

Шаг первый. Мастер иллюзий

Автор:

Антон Демченко

Шаг первый. Мастер иллюзий

Антон Витальевич Демченко

Fantasy-world Хольмград Хольмград LXXVI #1

Здесь летающие машины соседствуют с магическими артефактами, волхвы полемизируют с церковью, а в университетах, на кафедрах философии и естествознания изучают теорию ментального манипулирования. Мобильные телефоны похожи на волшебные зеркала, наговоры рассчитываются на компьютерах, а в небе состязаются дирижабли и реактивные самолёты-«скаты». С момента появления в Хольмграде некоего Виталия Родионовича Старицкого, прошло семьдесят лет. Изрядно потревоженный неугомонным князем, мир успокоился и расслабился. Зря. Ведь если калитку можно открыть один раз, что помешает сделать это снова?

Антон Витальевич Демченко

Шаг первый. Мастер иллюзий

© Антон Демченко, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

Сильнейшая гроза обрушилась на землю внезапно, как это обычно и бывает в преддверии лета. Всполохи молний исполосовали черные, неведомо откуда взявшиеся нагромождения туч, ослепили, оглушили грохотом небесной канонады, и в высушенную жарким майским солнцем землю ударили тугие струи дождя, моментально прибившие вездесущую рыжую пыль и омывшие листья небольшой рощицы, окружавшей невысокий холм.

Невдалеке резко взвыла и тут же стихла сирена, а вместе с ее ревом пропал и свет в маленьком поселке, выстроенном на пусть и не очень высоком, но обрывистом берегу, под которым все громче клокотала обычно спокойная и прозрачная, а сейчас вдруг ставшая буйной, река. Еще недавно плавно и величественно катившая свои воды среди полей и рощ, она взбурлила, вздымая валы помутневших волн все выше и выше, выплеснулась на пологий берег и разлилась вширь, скрывая под собой невидимые в наступившей темноте, черные от вывороченной земли, пашни, затапливая сады и перелески.

Неслышно за воем ветра скрипнула дверь одного из домов, на пороге мелькнула стремительная тень и канула в темноте переулка, лишеного привычного света фонарей. Рыкнул, перекрыв грохот грома, прогоревшим глушителем старый мотоцикл и, натужно завывая износившимся двигателем, покатил по улице, изредка замирая то у одного, то у другого дома. Маленький поселок, притворившийся пустым под напором грозы, словно в надежде, что та не заметит и обойдет его стороной, вдруг наполнился суматохой и звуками. Залаяли псы, где-то заголосил ребенок, мужской голос рявкнул, пресекая поднимающуюся в его доме женскую истерику. В неверном свете ручных фонарей, керосинок и свечей замельтешили тени, а к запаху озона в воздухе добавился запах страха и неуверенности. Зафырчали двигатели немногочисленных автомобилей, и тени заскользили к ним, загружая машины тюками и мешками под перекрывающие шум разбушевавшейся стихии окрики.

– Куда ты перину потащила, дура?! На чердак ее, «память» еж! Детей собирай, курица!

– Батюшки, что ж это за напасть! Олька, да угомони ты своего оглоеда, чтоб под ногами не путался!

– Дамба-то, дамба!

– Как второй каскад рухнет, нас отсюда в самый Азов вынесет!

– Не стони, мать, справимся! А ну-ка, Ваня, помоги «артиллерию» в машину отволочь.

– Говорят, еще час-полтора выдержит. На Константиновск уходить надо, тогда, глядишь, и выплывем.

– Жратву не забудь, олух царя небесного. Кто знает, сколько нам плутать придется!

– Константиновск? Рехнулся? Там и потопнете. К Стычновскому поедем, а еще лучше до Тацинской, если успеем.

– На старые курганы надо! Там точно не достанет, верно говорю. Они высокие! Не достанет разлив.

– Это Лысые лбы, что ли? Ерунда! То обычный паводок не дотянется, а тут, почитай, весь водохранилище спустило, накроет твои курганы, «мама» сказать не успеешь!

Потянулись машины из поселка, увозя прочь от разбушевавшейся, вырвавшейся из плена плотины стихии, хмурых мужчин, нервничающих женщин, любопытных детей и по-стариковски размеренных, спокойных дедов, шикающих на своих тихо причитающих жен.

Ерофей проводил взглядом цепочку огней и, вздохнув, тяжело осел на седло «Урала». Замученный бездорожьем и годами, мотоцикл тихо скрипнул под невеликим весом хозяина, а тот, зажмурившись, подставил лицо хлещущим струям дождя и замер, словно прислушиваясь к чему-то. Миг-другой, и мужчина в потрепанном камуфляже нахмурился. Открыв глаза, он слез с мотоцикла и, ничуть не плутая в темноте, уверенно зашагал к ближайшему дому, хозяева которого давно переехали в город, оставив деревенский дом под присмотр соседей. Ероха и знать не знал, что вчера здесь появился сын старого Степана с пассивой, потому и не подумал предупредить парочку о грядущем наводнении. И если бы не врожденное, почти собачье чутье да ветер, донесший до Ерофея запах дыма... вполне возможно, что гостям пришлось бы спасаться от воды на чердаке или крыше.

Объяснить влюбленной парочке, млеющей у камина под аккомпанемент дождя, что происходит на улице, Ерохе удалось довольно быстро. Да и собрались они почти моментально, благо приехали в поселок налегке. Так что спустя четверть часа древний «Урал» с перегруженной коляской, буксуя в грязи, увозил трех человек и пару битком набитых рюкзаков в ту же сторону, куда ушел «караван» местных жителей. Да, езда в ливень на старом раздолбанном мотоцикле не слишком комфортна, но уж лучше так, чем изображать куриц на насесте, сидя на коньке крыши чьего-то дома, в ожидании пока на горизонте не появятся бравые ребята в оранжевых тельняшках.

Утро компания из трех человек встретила на вершине одного из Лысых лбов. Двигаться дальше было невозможно, да и до самого кургана они еле добрались. А в момент, когда над землей вошло солнце, стало ясно, что здесь они задержатся надолго. Вокруг кургана, куда ни глянь, расстилалось бурлящее мутное море. Хорошо еще, что ливень кончился, и у застрявших на вершине холма людей появилась возможность обсохнуть и обогреться, правда, для этого мужчинам пришлось вплавь добираться до ближайшей рожицы. Сырые дрова гореть не хотели, но с этой неприятностью вполне успешно справилось некоторое количество жидкости, слитой из бензобака мотоцикла, так что вскоре на вершине кургана весело трещали сразу пара костров, рядом с которыми на кольях была развешена сырая одежда путников. Единственная девушка в собравшейся здесь компании стеснительно куталась в сухое одеяло, вытащенное Ерофеем из своего рюкзака, а вот мужчинам пришлось отбросить несвоевременный стыд и плясать голышом меж двух костров, в ожидании пока высохнет их одежда.

– Ох, хорошо. Высохло. Теплое... – протянул Ероха, натягивая пропахший дымом «камок», и, выудив из рюкзака две пары сухих носков, протянул одну из них одевающемуся рядом парню. Тот благодарно кивнул и, бросив короткий взгляд на задремавшую подругу, тяжело вздохнул. Не так, совсем не так он планировал провести эти выходные.

– Ерофей Палыч, а как мы отсюда... – Ослепительная вспышка и оглушающий грохот грома в безоблачном небе прервал молодого человека. А когда он проморгался и поднялся на ноги, то обнаружил рядом только перепуганную подругу. А там, где только что стоял их спаситель, остался лишь пепел да запах паленых волос.

Часть I

Скрип незапертой двери

Глава 1

Я, Ерофей Всеславич... Хабаров... я, Горазд... Павлович... Святитский. Нет! Я, Ерофей... Всеславич... Павлович? Хаб... Святитский? Хабаров? Кто я?!

Мысли метались, словно всполошенные чайки меж скал. Гулко, громко, беспорядочно. Кое-как приняв сидячее положение, я чуть ли не кубарем скатился с высокой постели и замер перед невысоким, но очень широким, массивным шкафом с зеркальной дверью. Коснулся своего отражения ладонью... и отпрянул. Это я?! Вот этот вот худой мальчишка с русой шевелюрой, всклокоченной, словно иголки ежа, это теперь я? Снова?!

Истерика схлынула, разум привычно сковал выплеск эмоций, спрятав их до поры до времени где-то в глубинах подсознания, и я смог чуть менее предвзято оценить произошедшие метаморфозы. Понятно, что со мной случилось нечто из ряда вон выходящее, но это не значит, что нужно прямо сейчас сесть на пол... кстати, не крашенный, а скобленный, и начинать оплакивать прежнюю жизнь. В конце концов, как часто сорокалетним, битым жизнью мужикам удается вернуться в... ну, пусть не в детство, а юношество? Вот-вот. Так, эмоции в сторону, воспоминания туда же... кашу в голове можно будет расхлебать и чуть позже. А пока определимся с телом и окружающей реальностью.

Рука произвольно потянулась к подбородку, в поисках небольшого треугольного шрама, полученного в детской драке, но наткнулась лишь на нежную ребячью кожу, не знавшую не только бритвы, но даже юношеского пушка. Хм, лет пятнадцать-шестнадцать, да? У меня и в тот раз первые намеки на щетину появились лет в семнадцать. Эх, помню-помню, как завидовал своим однокласскам по этому поводу. Здесь, очевидно, дела обстоят так же... если это, конечно, мое тело.

Тряхнув головой, всмотрелся получше в свое отражение и вздохнул. Похож, очень похож... но не я. Нет привычных отметин-шрамов, большую часть которых я получил в шепутном детском возрасте, зато имеются иные, в немалом количестве, но самое главное – глаза. У меня всегда были серые с прозеленью зенки. Помнится, в детстве, когда я что-то выпрашивал у матери и доставал ее до печенок, она все фыркала, требуя, чтоб я своими болотами на нее не тарасился. А у этого... тела глаза почти черные. Темные-темные. Непривычно.

Я передернул плечами. М-да, жилистый персонаж, я, помнится, хоть задохликом в этом возрасте не был, но, кажется, все же был похлипче. Или просто нескладней?

– Налюбовался? – Я аж подпрыгнул от неожиданности, услышав этот голос. Обернулся, окинул взглядом стоящего в дверях старика совершенно деревенского вида и вздохнул. Ну да, обстановка как бы намекает. Комната, в которой я очнулся, тоже не тянет на спальню в городской квартире.

– Да, – хрипло ответил я.

– Вот и ладно. Надевай портки, и идем за стол. Старая как раз обед собрала. Заморим червячка, потом поговорим... о разном, хех. – Усмехнувшись в седые усы, дед еще и поторопил, кивнув в сторону небольшого столика у кровати, на котором лежала стопка вещей: – Ну, так и будешь столбом стоять?

– Иду, – откликнулся я.

Тесемки-завязки... одевшись по деревенской моде эдак семидесятилетней давности, я прошлепал босыми ногами на выход из спальни и оказался в длинной комнате с огромной русской печью и лавками вдоль стен. Красный угол с потемневшими иконами под беленым потолком, массивный стол, за которым может разместиться немаленькая семья, домотканые половики-дорожки, низкие окна... старина так и прет изо всех щелей. Куда ж меня занесло-то, а?

– Садись, юноша, потом оглядишься. – Старик, уже устроившийся на лавке чуть ли не под самыми образами, указал мне на табурет и, не дожидаясь, пока я выполню «повеление», отвел взгляд куда-то в сторону. – Мать, скоро ты там? Мужики есть хотят!

– Потерпишь! – откликнулся из-за занавески женский голос, но почти тут же его обладательница выплыла в комнату. Высокая, статная, в годах уже, правда, но... волос черен, голос силен, да и движется совсем не по-старушечьи. Походка плавная, взгляд ясный. Ох и непроста «мать». Совсем непроста.

Звучно брякнул об подставку на столе пышущий жаром чугунок, тут же рядом оказались миски с соленьями и тарелка со свежими огурцами и помидорами. Мятая картошка со шкварками, ароматный домашний хлеб... от обилия притягательных запахов я чуть не подавился слюной. В животе голодно заурчало, и едва в руке моей оказалась ложка... Как там? Дела подождут? Вот-вот. Я и не подозревал, насколько голоден, оказывается.

Стучат о чугунок деревянные ложки, мы с дедом словно соревнуемся в скорости, а хозяйка только посмеивается, глядя на наш безмолвный спор, и ест не торопясь, даже с какой-то ленцой. Странная пара.

Отвалившись от стола и переглянувшись со стариком, мы одновременно поднялись из-за стола и, поблагодарив хозяйку за обед, потопали... ну, собственно, первым потопал дед, демонстративно побряхтывая и только что не хватаясь за спину, а я пошел следом за ним. Хлопнула дверь, и, миновав небольшие сени, мы оказались во дворе. Но не успел старый сделать и пару шагов от входа в дом, как под ноги ему с радостным лаем, вращая хвостом словно пропеллером, кинулся небольшой пес и тут же принялся прыгать вокруг хозяина, выпрашивая то ли подачку, то ли ласку. Потрепав собакина по холке, дед указал ему на меня: «Свой». Пес потянул носом воздух и, коротко тьякнув, исчез за какими-то кустами.

Усевшись на небольшой лавке под раскидистой яблоней, старик смерил меня коротким взглядом и, выудив из кармана кургузого пиджака расшитый кисет, принялся неторопливо сворачивать самокрутку. Молча... гад.

Поняв, что обещанная беседа откладывается на неопределенный срок, я, пожав плечами, огляделся по сторонам и, подхватив стоящий у стены дома чурбачок, уселся невдалеке от деда. Мне было о чем подумать и без разговоров.

Солнышко пригревает, в небе разливаются птичьи трели, а в моей многострадальной голове скользят странные мысли и не менее странные воспоминания, двоятся, разбегаются, сменяют друг друга, как в калейдоскопе.

Так что сразу и не поймешь, где мои, а где... его... здешнего меня, то бишь шестнадцатилетнего оболтуса, без семьи и дома, невесть каким ветром занесенного в приазовские степи только для того, чтобы получить удар молнии во время ночевки на кургане. Знакомый финал...

- Как себя чувствуешь, Ероха? - Окутавшись сизым дымом, неожиданно произнес старик, выбивая меня из размышлений-воспоминаний.

- Голова побаливает, а так вроде бы ничего. - Пожал я плечами и тут же насторожился. Пусть память паренька пока и не открылась мне полностью, но в том, что он в глаза никогда не видел сидящего напротив меня старика, я был уверен. - А откуда вам мое имя известно?

- Так ты сам мне назвался, - усмехнулся дед. - Пока я тебя с кургана нес, ты раза три в себя приходил. Не помнишь?

- Нет. - Я осторожно покачал головой.

- Неудивительно. - Вздохнул мой собеседник. - Жар у тебя был такой, что старуха моя с ног сбилась, пока его не уняла.

- Я заболел?

- Простудился сильно, - кивнул дед. - Позавчера ливень был, думаю, под него ты и попал. Ну да ничего, сегодня-завтра еще может полихорадить, а там и выздоровеешь. Моя старуха первая лекарка в округе, и не таких болезных на ноги ставила. Да и ты парень молодой, крепкий. Выдюжишь.

- Да я уже сейчас себя неплохо чувствую, - признался я, прислушавшись к своему организму. И действительно, кроме небольшой головной боли, никаких недомоганий. Горло и легкие не дерет, слабости не чувствую, да и температуры вроде бы нет. Если прав дед насчет простуды, то его жена, действительно, кудесница. - А как я здесь оказался?

- Так говорю же, я тебя принес, - отозвался старик. - Ходил вчера за травами к курганам, там на тебя и наткнулся у погасшего кострища. Без вещей и одежды. Думаю, ты их просушить хотел, да сознание потерял, вот одежда от костра и

занялась.

- Не помню. - Вздохнул я. - Как под ливень попал, вроде бы вспоминаю, как на курган взбирался, подальше от воды. А что потом было... нет, не помню.

- Ну и ладно. Оно не к спеху, - отмахнулся дед. - Оклемаешься, глядишь, оно и само вспомнится. А насчет вещей не переживай, мы со старухой поможем, чем сможем.

- Спасибо, - кивнул я и, чуть помедлив, спросил, мысленно укоряя себя за тормознутость: - Извините, а как мне к вам и вашей супруге обращаться?

- Хех, «супруге»... - Старик рассыпался сухим, коротким смешком. - Эка ты ее... Я - дед Богдан, а жену мою Ружаной зовут.

- А... а по отчеству? - уточнил я.

- Точно городской. - Покивал своим мыслям мой собеседник и вздохнул. - Просто дед Богдан и... тетка Ружана. Бабкой ее называть не стоит. Рука у моей жены тяжелая, да и ухват не легче. Как по спине перетянет, враз о радикулите забываю.

- Понял, - кивнул я. - А что, дед Богдан, из моих вещей вообще ничего не осталось?

- Портки рваные да кусок сумки. Ни денег, ни документов, ничего. - Развел руками старик и, заметив, что я нахмурился, улыбнулся. - Да ты не переживай, Ероха. Вещи - тлен. Одежду я тебе сыновнюю дам, ему она уже не нужна, вырос, а как оклемаешься, съездим в юрт, там и бумаги тебе выправим.

- Спасибо, дед Богдан! - Я постарался улыбнуться в ответ. - За помощь и лечение, за участие. А одежда, вещи... я отработаю, честное слово.

- Сначала в себя приди, да выздоровей, - поднявшись с лавки, проговорил тот. - А потом уж... «Отработаю», ишь ты. Сговоримся, Ероха.

Дед Богдан хлопнул меня по плечу и, бросив окурок в пустую консервную банку, стоящую у лавки, потопал в дом. Проводив взглядом старика, я прикрыл глаза и, оперевшись спиной о стену, погрузился в воспоминания здешнего себя. К сожалению, вспомнилось не все. Большая часть жизни этого тела для меня оказалась покрыта мраком неизвестности. Сирота и бродяга, мотавшийся по городам и весям страны с одиннадцати лет, вот кем оказался Горазд Всеславич Святитский. Но вспомнить, где именно он бывал, кого знает, кто его знает, мне почти не удалось. Так, несколько размытых лиц, неузнаваемые образы каких-то мест. Скучно, очень скучно. С другой стороны, даже этой малости хватило, чтобы понять: или я совсем не дома, в смысле, не на Земле, или у парня были серьезные проблемы с головой. Уж очень крепкие галлюцинации его дожимали. А как еще объяснить машины весьма странных конструкций на улицах городов, огромные летающие хреновины, виденные им в небе, и прочую чушь, место которой в фэнтезийных книжках, а не в обычной жизни?!

С другой стороны, происшедшее со мной тоже нельзя назвать обыденным. Сорокалетний одинокий мужик, схлопотав удар молнии по темечку на вершине древнего кургана, попадает в тело шестнадцатилетнего бродяги со сходной фамилией[1 - Ерофей Павлович Хабаров-Святитский (родился около 1603 года в городе Сольвычегодске Великоустюгского уезда. Умер около 1671 года в Братском или Усть-Кирегенском остроге) – русский землепроходец, осваивавший Приамурье.], угодившего в точно такой же переплет... чем не завязка сюжета о попаданце? Я нервно хихикнул. Схожести-похожести... интересно, если бы отец, любитель истории, чтоб ему на том свете было хорошо и уютно, дал мне другое имя, этот финт с молниями сработал или нет? Или сработал бы частично? И как бы это выглядело, а?

Тихий смешок перешел в хохот, который мне едва удалось прекратить. Истерика? У меня? Вот ведь гадость какая... или это влияние тела? Хм, должно быть, оно и есть. Или нет? Стоп-стоп-стоп. Успокоиться, дышать. Раз-и, два-и, три-и, раз... Выдох. Вот же черт. Еще раз, и еще. Успокоился придурок? Вроде бы да. Вот и славно, а теперь ноги в руки и шагом марш на задний двор. Дед Богдан как раз пошел поленья для бани колотить. Помогу старику, заодно и нервишки успокою. Говорят, сие занятие снимает напряжение, вот и проверю...

М-да, чую, ждут меня здесь либо приключения, либо комната с мягкими стенами и рубашка с неприлично длинными рукавами. И лучше бы первое, на мой взгляд. К приключениям на свою пятую точку я как-то попривык в... прошлой жизни, а вот идея провести остаток новой в дурдоме совсем не привлекает.

А колка дров действительно помогла... или это заслуга бани? Не знаю, но спать я уходил, будучи спокойным как слон.

Следующие два дня, проведенные в степном хуторе деда Богдана, позволили полностью прийти в себя и даже как-то смириться с вывертом судьбы, занесшим меня в тело мальчишки. А радио, найденное в одной из задних комнат дома, довольно убедительно доказало, что мне довелось переселиться не только в чужое тело, но и в другой мир. И как ни странно, этот факт не вызвал у меня никаких эмоций... ну, почти никаких. По крайней мере, я отнесся к нему куда спокойнее, чем к смене физической оболочки. А может, виной тому мое любопытство? Хм, что ж, даже если дело в нем, пусть так. Все лучше, чем рвать волосы со всех доступных и недоступных мест, стеная по утерянной жизни в привычном мире. В конце концов, что у меня там было? Воспоминания о похождениях молодости? Старый дом? Пенсия да пара приятелей, которых язык не повернется назвать друзьями? Велика потеря! Здесь же меня ждет неизведанный мир и новая жизнь, надеюсь, долгая и без неожиданных травм, способных отправить крепкого мужика на пенсию по инвалидности. Впрочем, посмотрев на действия тетки Ружаны, умудрившейся свести порез на руке мужа так, что на следующий день от него даже шрама не осталось, начинаю подозревать, что медицина здесь продвинулась куда дальше, чем в моем прошлом мире. И это тоже не может не радовать.

Такие самоуговоры и ненавязчивое внимание хозяев хутора, окруживших меня, «потерявшего память», чуть ли не родительской заботой, позволили довольно быстро привести в порядок разум и чувства, так что к исходу четвертого дня в гостях у деда Богдана я был вполне готов к обещанной стариком вылазке в ближайший город. Пора знакомиться с окружающей реальностью поближе и, если судить по услышанным мною радиопередачам, эта поездка вполне может оказаться полной самых разнообразных открытий.

Ближайшим городом, где мне могут выправить необходимые документы, по словам деда Богдана, оказался Ведерников юрт. Услышав это название за завтраком, я довольно надолго задумался, пытаюсь вспомнить, что именно оно мне напоминает. И ведь вспомнил-таки! Это ж Константиновск в моем прошлом мире. А здесь, похоже, после объединения станицы Бабинской с Ведерниковской, предпочтение отдали второму названию. Интересные дела... то ли слияние станиц прошло не в то время, то ли князя Константина здесь не шибко жаловали, но в результате имеем, что имеем. Нет здесь города Константиновска, зато есть Ведерников юрт, центр Первого Донского округа,

находящийся под управлением выборного окружного атамана, должность которого, как сообщил все тот же дед Богдан, сейчас, цитирую: «исправляет» его хороший знакомый, полковник Турчанинов. Или я чего-то не понимаю, или история в этом мире шла куда более извилистым путем, нежели в моем прошлом. Интересно-о...

Мысль о том, что я нахожусь в ином мире, и без того уже порядком укоренившаяся в моем сознании, получила еще одно подтверждение, когда хозяин хутора, давший мне приют в эти странные дни, выкатил из гаража транспортное средство, которое, по идее, должно было доставить нас в город. Назвать эту конструкцию автомобилем у меня поначалу не поворачивался язык, просто потому, что у нормального авто, на мой взгляд, должны быть колеса... хотя бы штуки три. У этой же машины колес не было вовсе, как, впрочем, и гусениц. Иными словами, эта повозка была летающей, в лучших традициях фантастических фильмов моего детства. «Звездные войны» и «Назад в будущее», не иначе. Впрочем, вид этого странного устройства был не настолько футуристичен, чтобы использовать его в подобных фильмах. Да, для человека, ни разу в жизни не видевшего летающий автомобиль, этот образчик здешнего автопрома выглядел необычно, но и только. Если же сделать скидку на отсутствующие колеса, незнакомый дизайн кузова и просто гигантский воздухозаборник там, где по логике должна быть решетка радиатора, то передо мной оказался вполне обычный пикап-однотонник с округлыми обводами, напомнившими мне авто пятидесятых, кое-где помятый, чуть поблекший, с выцветшим, но ухоженным салоном. Классический вариант деревенского авто, удобного и для перевозки картошки, и для выездов на рыбалку.

Вопреки моим ожиданиям, на дороге этот агрегат вел себя, как вполне обычный автомобиль. Он не плыл, словно баржа по реке, и не летел, как воздушный шарик, а уверенно скользил в полуметре над грунтовкой, легко и чутко слушаясь руля, и я не представляю, как это возможно, ведь никаких рулевых приспособлений, вроде тех, что используются на СВП или аэросанях, я при осмотре пикапа не видел. Загадка... но, обещаю, я в ней разберусь. Все же это не мистика вроде моего переноса из мира в мир и из тела в тело. Машину-то построили люди, а то, что один человек сделал, другой всегда сло... э-э, разобрать может... и разобраться, да.

За этими размышлениями я и не заметил, как мы добрались до места. Ведерников юрт оказался небольшим, удивительно ухоженным городком, с набережной которого открывался замечательный вид на реку и остров Лучка с

небольшим острогом на нем, выстроенным, как и многие городские дома, из красного кирпича. В принципе, памятный мне Константиновск тоже был по большей части кирпичным, но вид его был более... деревенским, что ли? А вот Ведерников юрт был именно городом, да, небольшим и малоэтажным, но частные дома с садами-огородами здесь встречаются лишь на окраинах, центр же выглядит чуть ли не образчиком европейской архитектуры. Двух- и трехэтажные дома весьма затейливого вида, среди которых не найти пары одинаковых, зеленые скверы, брусчатка мостовых и причудливые чугунные фонари уличного освещения. В общем, столица Первого Донского округа произвела на меня удивительно хорошее впечатление, жаль только, что не нашлось времени, чтобы изучить ее получше. Впрочем, это была не моя вина.

Четырехэтажное здание управы, расположенное напротив Покровской церкви, встретило нас тишиной, прохладой и равнодушными взглядами охраны. Но что удивительно, деду Богдану никто не задал ни единого вопроса на входе. С него даже документов не потребовали. Старик лишь обменялся на ходу приветственными кивками с сидящим за стойкой дежурным и, не сбавляя хода, направился через гулкий холл напрямик к лифту. Открыв чугунную створку, он зашел в обитую дубовыми панелями кабинку и, выудив из кармана пиджака ключ, четко выверенным движением вставил его в замочную скважину, расположенную чуть выше ряда из четырех кнопок. Однако какие продвинутые хуторяне, оказывается, живут под Ведерниковым юртом!

Вновь хлопнула решетчатая чугунная дверь, и лифт мягко поехал вверх. Я покосился на старика, но тот лишь усмехнулся в седые усы и подмигнул.

Старый, явно поживший больше полувека, механизм четко отсчитал четыре этажа, но не остановился на последнем, а поехал выше. Чердак?

– Мансарда. Ингварь Святославич питает нежную любовь к скошенным потолкам. Что дома себе комнату на чердаке сладил, что в управе кабинет под крышу перенес, – хохотнул в ответ на мой немой вопрос дед Богдан.

– Тот самый полковник Турчанинов? – спросил я.

– Он, шельма высокомерная. – Открывая очередную чугунную решетку, покивал старик.

– От старого пня слышу! – неожиданно донесся до нас трубный голос. Я вышел следом за стариком из лифта и присвистнул. В конце коридора, у распахнутых настежь дверей, возвышался натуральный гигант, лысый, как коленка, зато усищи... Буденный отдыхает. Вот не ожидал, что импозантность окружного атамана перевалит за два метра.

– Знакомься, Ероха. Мой боевой товарищ – Ингварь Сажень, в недавнем прошлом полковник и командир Донской казачьей ТМБР[2 - ТМБР (сокр.) – тяжёлая миномётная бригада.], а ныне окружной атаман Первого Донского округа, Ингварь Святославич Турчанинов, собственной необъятной персоной, – со смешком произнес дед Богдан, мне же осталось лишь учтиво шаркнуть ножкой и изобразить неуклюжий полупоклон. А куда деваться? Вообще, терпеть не могу подобные ситуации. Это старые друзья-товарищи могут так друг друга подкалывать, не обращая внимания на чины и звания, а вот нечаянным свидетелям таких пикировок лучше потом на глаза начальственным шутникам не показываться. Запинают, просто, чтобы показать разницу в положении и не допустить панибратства. Дурость, конечно, но далеко не редкая, увы.

– Так-так... а это, стало быть, и есть твой найденыш, а, Богдан? – смерив меня долгим взглядом, прогудел Турчанинов. Наверное, я должен был бы запыхтеть чайником от такого определения, но... старик ведь и в самом деле меня нашел, приютил, накормил и обогрел, против правды не попрешь. Хотя, конечно, само словцо слух корябает.

– Ерофей Хабаров, рад знакомству, господин полковник. – Коротко кивнул я в ответ, постаравшись незаметно одернуть чуть коротковатые рукава пиджака.

– Очень приятно, юноша. – Обозначил улыбку окружной атаман и ткнул указательным пальцем в деда Богдана: – Вот, пенек ты, мхом поросший, седины нажил, а вежеству так и не обучился! Смотри на парня да на ус мотай, раз уж даже Ружанка тебе до сих пор манер не привила!

– Это ты мне о вежливости рассказывать будешь?! – взвился старик. – Держишь гостей на пороге, пальцем в них тычешь, словно недоросль в медведя на ярмарке, и туда же, манерам учить суешься?!

– Понеслась душа в рай. Это, оказывается, я виноват, что ты посреди коридора застрял и орешь на всю управу, – фыркнул полковник и, не дожидаясь, пока дед

Богдан начнет новую тираду, спросил: – Чай или кофий?

– Чай, – выдохнув, буркнул старик. Полковник ухмыльнулся и, посторонившись, жестом пригласил в свой кабинет.

Кабинет окружного атамана оказался весьма уютным. Никакой ненужной роскоши и ультрасовременных прибабасов. Добротная массивная мебель, пара каких-то приборов на столе, абсолютно неузнанных мною, застекленные стеллажи с книгами и какими-то папками... и небольшой уголок для отдыха под врезанным в крышу окном. Именно туда нас и потащил хозяин кабинета. А уже через минуту на журнальном столике перед нами появился поднос с чайным набором, принесенный... адъютантом. Язык у меня не повернется назвать этого человека секретарем, не тот типаж. Как и Турчанинов, его помощник щеголял военным мундиром, да и выправка с головой выдавала в нем кадрового офицера.

– Что ж, теперь, пожалуй, можно и о деле поговорить, – хлопнув широкими ладонями по коленям, провозгласил Турчанинов, когда был выпит чай и обсуждены все достойные новости, мне, к сожалению, совершенно непонятные.

– Пора так пора, – расправив усы, степенно кивнул дед Богдан. – А у тебя все готово?

– Обижаешь, – хмыкнул полковник. – Как ты мне позвонил, так я сразу распорядился обо всем необходимом. Осталось только заполнить анкеты, сделать фото и откатать биометрию. Ну, а свидетелями выступим мы двое.

Поднявшись с жалобно скрипнувшего кресла, Турчанинов прогулялся до своего рабочего стола и вернулся к нам с папкой в руках, которую тут же плюхнул мне на колени. Я бросил короткий взгляд на старика и, получив в ответ ободряющий кивок, открыл коленкорovou обложку, под которой обнаружилось лишь несколько листов анкеты и обычная гелевая ручка.

– Я в курсе, что у тебя имеются провалы в памяти, парень, – прогудел полковник. – Ружана с Богданом просветили на этот счет. Так что не переживай, если на какие-то вопросы не сможешь ответить, это не страшно.

Благодарно кивнув хозяину кабинета, я взялся за ручку. С именем-фамилией проблем не возникло, поскольку от данных родителями отрекаться я не

собирался. Да и деваться особо некуда. Было бы странно, если бы я вдруг вписал не то имя, которым представился деду Богдану при знакомстве. Если, конечно, мое бормотание в полубреду на руках у старика можно было назвать знакомством. В общем, как был Ерофеем Павловичем Хабаровым, так им и останусь. Ну а Горазд Всеславич Святитский... увы и ах. Надеюсь, ему хорошо там, где он сейчас находится.

А вот следующий вопрос заставил меня задуматься, поскольку даже предыдущий владелец тела не знал даты его появления на свет. Со вздохом я отложил ручку и воззрился на деда Богдана, о чем-то тихо переговаривавшегося с хозяином кабинета.

Объяснение сути проблемы заняло почему-то довольно много времени. Поразительно, но мне было просто стыдно признаться, что я не знаю даты своего рождения. И только потом до меня дошло, что это не мои чувства. Стыдно было Горазду. Всегда. В приюте, где он жил, дни рождения воспитанников отмечались в конце месяца, тогда же их и поздравляли с праздником. И одиннадцатилетний мальчишка просто никогда не спрашивал у воспитателей о реальной дате своего рождения. А потом... потом был побег, и спрашивать стало некого.

– Хм... дилемма, – протянул полковник, но тут же просветлел лицом. – Стоп! День рождения у тебя, так или иначе, в мае. А четыре дня назад ты, можно сказать, заново родился, правильно? Ну и пиши, что родился двенадцатого мая семь тысяч пятьсот девятого года.

Дальше дело пошло проще и почти без затыков, так что через полчаса я сдал анкету адъютанту полковника, после чего он сфотографировал мою физиономию, откатал сканером ладони, а еще через полтора часа я стал обладателем идентификационной карты русского подданного. Вот так просто и незатейливо, был гражданин Российской Федерации, а стал подданным русского государя.

Легкость, с которой у меня на руках оказался кусочек пластика, несущий в себе одновременно паспорт, страховое свидетельство, доступ к счету в казначействе, пока, к сожалению, абсолютно пустому, налоговый и сетевой идентификатор, чуть не вогнала меня в ступор. Ну как такое возможно?! Нет, у меня в жизни бывали случаи феерического везения, когда смерть проходила в миллиметрах и, мазнув по мне сожалеющим взглядом, исчезала за спиной, но такого форта, как встреча с дедом Богданом и теткой Ружаной, не было никогда. Это, по-моему, вообще что-то запредельное. Впрочем, я и в чужие тела прежде не попадал и по иным мирам не шлялся... вроде бы. По крайней мере, память моя таких путешествий не помнит. Может это везение оказаться событием того же порядка? Да кто ж его знает...

– Ну что ж, Ерофей Павлович... поздравляю с принятием подданства, – серьезным тоном произнес Турчанинов, пожимая мне руку, на что дед Богдан только что глаза не закатил. И это не осталось незамеченным хозяином кабинета. Он укоризненно взглянул на старика и покачал головой. – Да, я говорю это абсолютно серьезно, Богдан. Парень с одиннадцати лет шатался по стране, и никаких документов у него не было, а значит, и подданным государя он до сих пор не был.

– Что значит документов не было? – нахмурился старик, бросив на меня короткий взгляд.

– То и значит. Данные мальчишки в базах отсутствуют, значит, с государственными ведомствами он дел не имел... если не считать приюта, но биометрия с воспитанников подобных заведений снимается лишь последние три года. И кстати, ни в одном из них Ерофей Павлович Хабаров не числится.

– Час от часу не легче. – Дед Богдан повернулся ко мне. – Так ты у нас, получается, человек-невидимка, а, Ероха?

– Наверное, – пожал я плечами. – Но даже если так, я этого все равно не помню.

– У меня есть предположение, как вообще могло случиться что-то подобное, – проговорил Турчанинов. – Богдан, обрати внимание на имя-отчество твоего подопечного. Часто тебе такое встречалось?

– Хм, не то чтобы... думаешь, раскольники? – хмуро спросил старик.

– Очень похоже. Я даже скажу, какие именно. Только у новониконианцев крестильные имена используются в обычной жизни. И эти сектанты, кстати, до сих пор отшельничают и не желают иметь дел с государством. Так что, если Ерофей был принят в одной из их общин, нет ничего удивительного в том, что он до сих пор не попадал в зону внимания государства.

– Ну, точно человек-невидимка, – задумчиво хмыкнул старик.

– Ага, Неуловимый Джо, – сухо поддакнул я.

– Почему «неуловимый»? – с любопытством поинтересовался Турчанинов.

– Потому что нахрен никому не нужен, – отозвался я под смешки моих собеседников.

– Интересная трактовка, – отсмеявшись, заметил окружной атаман, но тут же посерьезнел. – Что ж, предлагаю отложить эти предположения в сторону, по крайней мере до тех пор, пока к Ерофею не вернется память, а у нас сейчас есть и более важные вопросы.

– Какие, например? – поинтересовался я.

– Образование, – ответил полковник. – Твои сверстники как раз сейчас заканчивают учебный год, но ввиду твоей амнезии и, как я подозреваю, весьма отрывочных знаний школьных предметов, сильно сомневаюсь, что ты сможешь сдать переводные экзамены вместе с ними. Для решения этой проблемы я уже пригласил своего товарища, он курирует в том числе и некоторые образовательные учреждения округа. Послушаем, что он может предложить?

– Ингварь, ты... – старик на миг замялся. – Спасибо. Я совсем об этом не подумал.

– Не за что, за мной должок, ты ведь помнишь, Богдан? – усмехнулся Турчанинов.

Школа... меня передернуло. Я и в своем-то детстве-юношестве не особо любил это заведение, и повторять эту историю сейчас, на сорок первом году жизни, меня совсем не тянет. Вот совершенно! И не надо о ностальгии и славных школьных деньках. О них, может, и приятно вспоминать, но переживать всю эту

«феерию» заново, увольте.

Правда, похоже, что интересоваться моим мнением на этот счет никто не собирается. По крайней мере, когда я отвлекся от невеселых дум, в кабинете стало больше на одного человека, и присутствующие уже всю обсуждали с только что пришедшим толстячком, затянутым в черный мундир со скромным серебряным шитьем на лацканах, возможные перспективы получения одним молодым человеком школьного аттестата. Призрак школы встал передо мною во весь рост. Не-не-не, так дело не пойдет, эдак я оглянуться не успею, как на меня напялят школьную форму, ранец и всучат гладиолусы! Пора брать ситуацию в свои руки.

- А если экстерн?

- Без сданных экзаменов средней школы экстерн в старших классах невозможен, - отрезал усевшийся на диван товарищ окружного атамана, побарабанив толстыми пальцами по столешнице, и хотел было уже вновь заговорить со своим начальником, но я вновь его отвлек.

- Понятно, а есть ли возможность сдать переводные экзамены за текущий год в конце лета? - поинтересовался я, когда приземистый товарищ окружного атамана, промокнув багровую лысину платком, на миг заткнулся.

- В принципе... да. - Толстощекий заместитель замер, очевидно, что-то прикидывая, и уверенно кивнул, тряхнув всеми тремя подбородками. - Отстающие есть во всех классах, как и желающие повысить свои экзаменационные баллы, так что наши гимназии предоставляют возможность повторного прохождения испытаний перед началом нового учебного года. Но сдавать все экзамены... вы уверены, что потянете такую нагрузку? Это же как минимум девять предметов, по которым вам придется успеть подготовиться всего за два с половиной месяца.

Угу. А учить придется материал не только за этот год, но и как минимум за два предыдущих, все же школу я заканчивал давно, да и программы у нас наверняка были разные. Сдохну же! С другой стороны, а куда деваться? Эх...

- Это будет тяжело, - вздохнул я вслух. - А есть ли возможность растянуть сдачу этих экзаменов, скажем, до конца осени? А я бы до того времени учился вместе

со сверстниками... вольным слушателем, так сказать.

– Гимназия святого Ильи. – Вдруг обронил дед Богдан, и на него с недоумением воззрились хозяин кабинета и его заместитель. Впрочем, последний, кажется, что-то понял, поскольку его глаза вдруг задорно блеснули. Старик же усмехнулся. – У меня сын ее заканчивал.

– Точно. Там же двухгодичный цикл обучения. Ерофей вполне сможет закрывать контрольные за прошлый год по мере обучения, и ему не придется издеваться над собой, как в случае со сдачей переводных экзаменов в обычной гимназии. – Хлопнул он в ладоши, но тут же нахмурился. – Но это учебное заведение с уклоном в естествознание, а юноша, как мне кажется...

– Ружана за лето поднатаскает, – отмахнулся дед Богдан.

Окружной атаман переглянулся с заместителем.

– Это меняет дело, – медленно проговорил толстяк. – Если Ружана Немировна возьмется, то, думаю, проблем с обучением у Ерофея не будет, по крайней мере с профильными предметами. Но учтите, юноша, даже с таким подспорьем вам придется очень хорошо потрудиться, чтобы через два года достойно выйти на выпускные испытания. А теперь, господа, я вынужден с вами проститься. У меня, как только что выяснилось, появились неотложные дела. Надо связаться с директором гимназии, договориться о подготовке необходимых документов, ну, вы понимаете. Да, бумаги о приеме, как только они будут готовы, я пришлю на адрес уважаемого Богдана Бранича, с нарочным.

Резво подхватившись, толстячок вскочил с дивана и, пожав руки всем присутствующим, выкатился за дверь. Причем проделал это так стремительно, что мы и рта не успели открыть.

– Вот неугомонный. – Покачал головой Турчанинов, проводив взглядом укатившийся «колобок», и повернулся к нам с дедом Богданом. – Что ж, остался последний вопрос. Шестнадцать лет это возраст первого совершеннолетия, так что предлагать поиск приемной семьи для тебя, Ерофей, я не вижу смысла. Но до полного совершеннолетия еще четыре года, и на это время тебе необходим попечитель. Богдан?

– Да, я хотел бы стать попечителем для юноши, – кивнул старик, вгоняя меня в ступор. Неудивительно, мы же знакомы меньше недели! А тут вдруг отношение, как к потерянному племяннику... любимому. Удивительно. – Если, конечно, ты не возражаешь, Ерофей.

– Эм-м... нет... в смысле не возражаю, – кое-как проговорил я.

– Вот и замечательно, – улыбнулся полковник.

– А чем приемные родители отличаются от попечителей? – уточнил я, кое-как придя в себя от таких новостей.

– Попечитель не лезет в личную жизнь подопечного, но до определенной степени несет ответственность за его действия и контролирует значимые финансовые действия, – ответил Турчанинов, но заметив мой недоуменный взгляд, пояснил: – Это значит, что до достижения тобой полного совершеннолетия Богдан будет нести гражданскую и уголовную ответственность за большую часть твоих возможных проступков, а также будет вправе наложить вето на любую твою крупную покупку... или на попытки взять крупную ссуду. То есть без его подписи ты не можешь, например, приобретать или продавать недвижимое имущество, а также взять денег в долг. Равно как и не сможешь выступить поручителем без его разрешения. С другой стороны, по твоим обязательствам, подтвержденным Богданом, ответственность вы будете нести вместе, в равных долях. Понятно?

– Вполне, – протянул я. Получается, попечители – это некий стопор, чтоб юные шалопаи не вляпались в серьезные финансовые неприятности. Неплохо. Но нужно будет уточнить некоторые моменты в соответствующей литературе.

– Замечательно. – полковник кивнул. – Тогда вот вам бумага, пишите заявление в свободной форме, а завтра на Совете Призрения мы его утвердим и вышлем вам соответствующий документ. Вроде бы все...

Тут и дурак поймет, что аудиенция окончена. Но никаких обид, полковник и так убил на меня большую часть дня. Так что мы с дедом Богданом шустренько откланялись и свалили из этой обители бюрократии под названием управа Первого Донского округа. Хотя, если судить по количеству мундиров, встретившихся нам на пути к выходу из здания, я бы назвал его штабом.

Впрочем, похоже, что кроме меня такая мысль никому в голову не приходила... полагаю, это связано с тем, что подобное засилье разномастных мундиров абсолютно привычно для окружающих. Здесь, как я понял, мундиры носят все чиновники без исключения, а может, и не только они. Что-то подобное, как мне кажется, было и в нашей истории, по крайней мере в дореволюционные времена, когда чуть ли не у каждого ведомства была своя форма. Здесь же эта традиция, судя по всему, без проблем дожила до нынешних времен. Ха, могу поспорить, если в этом мире водятся общечеловеки, они наверняка воют от такого «милитаризма»!

* * *

Полковник Турчанинов проводил взглядом скрывшегося за дверью старого друга и его найденыша, после чего откинулся на спинку кресла и, прикрыв глаза, облегченно вздохнул. Наконец-то это закончилось... почти. Хозяин кабинета открыл глаза, глянув на проскользнувшего в дверь адъютанта.

– Ну? – спросил он.

– Глухо, господин полковник. – Покачал головой его помощник. – Если его защиту ставила Ружана Немировна, то я преклоняюсь перед ее талантом. Мне такое мастерство пока не по плечу.

– Ясно, – хмуро отозвался окружной атаман. – А что скажешь по общему впечатлению?

– Он ведет себя как взрослый, – после недолгого молчания проговорил адъютант.

– Сирота. – Пожал плечами хозяин кабинета. – Такие взрослеют быстро, а ему уже шестнадцать.

– Согласен, – кивнул помощник. – Но есть еще один момент. Как бы рано человек ни повзрослел, словарный запас его будет соответствовать окружению...

– Хочешь сказать, что для бродяги у него слишком правильная речь? – усмехнулся полковник. – Я это тоже заметил. А еще... акцент, не акцент...

– Да, что-то чужое в интонациях слышится совершенно определенно, – подтвердил адъютант. – Но опять же, если вы правы насчет раскольников, то в этом нет ничего удивительного. С их-то отшельничеством и традициями...

– В общем, ясно, что ничего не ясно. – Скривился Турчанинов. – Ладно, свободен... и подготовь документы к завтрашнему совету. Обещание надо держать.

– Будет исполнено, господин полковник, – кивнул помощник, взяв со стола лист заявления, и исчез за дверью.

– Ох, Богдан, надеюсь, ты не втравишь нас в неприятности этими своими игрищами, – тихо пробормотал окружной атаман.

* * *

Попросить объяснения поступкам старика и его жены я решился, лишь когда старый пикап деда Богдана выкатился за пределы юрта.

– Судьба, – коротко ответил он с невозмутимостью каменной глыбы, разве что плечами пожал. Я не понял.

– А если развернуть?

– Вот же недоверчивый. – Покачал головой Богдан, но пояснил: – Ну не мог я пройти мимо, понимаешь. Нельзя так.

– Но сейчас-то... – протянул я и замолк.

– А что «сейчас»? – фыркнул старик. – Податься тебе некуда, от памяти одни огрызки, хорошо хоть учиться говорить заново не пришлось. А у нас в доме с отъездом сына стало слишком тихо. Так почему бы нам с тобой и не помочь друг другу? Опять же Ружана меня загрызла бы, если б я просто так тебя отпустил, хворого и ничего не знающего об окружающем мире. Сердобольная она, как все дети Макоши.

– Ч-чего? – опешил я.

– Потом объясню. Или Ружанка сама все расскажет. Хех, ей тебя все равно учить придется, – отмахнулся дед Богдан, но уже спустя секунду, мельком взглянув на меня, вздохнул. – Понимаю, что тебе трудно поверить в чье-то бескорыстие. Вряд ли за время шатаний по стране ты часто видел добро от чужих людей, но в данном случае все так, как и выглядит. Мы с Ружаной не ищем от тебя выгоды и не таим зла. Просто хотим помочь... ну и насчет пустоты в доме я не врал. С тех пор как сын забрал семью в столицу, мы редко видимся. Раньше-то он чуть ли не каждые выходные привозил к нам своих детей, да и лето они проводили у нас всей семьей, а теперь... теперь они приезжают куда реже.

– Я понимаю, – тихо произнес я. – Спасибо за заботу, дед Богдан. Обещаю, что я вас не подведу.

– Ну, вот и славно. – Старик весело улыбнулся. – А я в свою очередь, как попечитель, обещаю, что не стану совать нос в твои личные дела. Вообще. Единственное, о чем прошу, если будешь куда-то уезжать, будь с нами на связи. Хорошо?

– Конечно, – кивнул я. О том, каким образом можно поддерживать эту самую связь и с чего вдруг дед Богдан решил, что мне обязательно понадобится куда-то там уехать, я решил уточнить позже. Впрочем, должен же здесь быть какой-то аналог сотовой связи? Или пока нет?

Аналог был. Именно что аналог, потому что, получив тем же вечером в свое пользование прямоугольный кусок зеркала в металлическом футляре-раскладушке а-ля «пудреница», я, даже разобрав полученный агрегат на все три составляющие, не увидел ни микросхем, ни чего-то хоть отдаленно их напоминающего. У меня было скромное предположение, что каким-то неведомым способом эти самые микросхемы были убраны в толщу самого зеркала, но доказать их я не смог. Кроме того, если это и так, то контур антенны-то все равно должен быть выведен наружу, а никаких контактов в стеклянном прямоугольнике я так и не нашел. Как не нашел и ничего хотя бы отдаленно напоминающего аккумулятор. И это было очень странно. Но сам коммуникатор, или как его здесь называли, сокращая название «зеркало коммуникационное» – зеркалом, работал исправно. Стоило один раз приложить к нему идентификационную карту, как зеркальная поверхность мягко засветилась, поприветствовала меня по имени короткой надписью и... дальше

все было просто. Кто хоть раз имел дело с обычным смартфоном, тот с легкостью разберется и с этим чудом техники. Мне оставалось только порадоваться, что мысль создателей интерфейса этого агрегата, кажется, шла в одном направлении с затеями производителей электроники в моем прошлом мире.

Утро на хуторе началось для меня одновременно с остальными обитателями, то есть едва встающее солнце вызолотило землю. Правда, мне не пришлось участвовать в утренней кормежке обитающих на скотном дворе животных, но я с толком провел время до завтрака, старательно доводя свое тело до привычных кондиций. И это было хорошо. Я с удовольствием давал нагрузку мышцам и радовался отсутствию боли в ногах, что отправила меня на пенсию по инвалидности в прошлой жизни.

А после проглоченного в одно мгновение завтрака на хутор заявился обещанный заместителем Турчанинова нарочный. Прикатил на вертком агрегате, чем-то похожем на мотороллер, если, конечно, воображение позволяет представить скутер без колес. Бешеная табуретка.

Вместе с документами нарочный доставил небольшую пластиковую карту, которая, как выяснилось чуть позже, содержала в себе полный комплект необходимых для учебы материалов. От учебной и художественной литературы до атласов и карт... за все шесть классов гимназии Святого Ильи, то есть за двенадцать лет обучения. Это было шикарно!

Честно говоря, если бы не настойчивость тетки Ружаны, я бы, наверное, пропустил не только обед, но и ужин, и сон из-за полученных книг. Столько информации об окружающем мире, столько всего интересного... но хозяйка была непреклонна, а потому чуть ли не за уши потащила меня к столу.

После обеда я был отправлен на помощь деду Богдану. В деревенском доме всегда найдется, чем занять руки. Что-то подправить, что-то починить... что-то сделать заново. В общем, дел хватает, а дом приютившей меня семьи к тому же был немал, совсем немал. Впрочем, сопротивляться я не стал, помня обещание, данное хозяевам хутора, и с энтузиазмом взялся помогать старику, благо руки у меня растут откуда надо и стыдиться своих навыков не приходится. Дед Богдан, поначалу довольно пристально наблюдавший за моими действиями, убедился, что я не собираюсь отчекрыжить себе руку топором и не убьюсь, орудуя лопатой, довольно крякнул и, нарезав мне задачи до самого ужина, спокойно

занялся своими делами.

В результате до книг я по-настоящему дорвался только после ужина, а в полночь в мою комнату заявила тетка Ружана и, пообещав уже завтра заняться со мной ликвидацией пробелов в естествознании, решительно потребовала, чтобы я ложился спать. Пообещал, конечно, но, дождавшись пока хозяйка дома выйдет из комнаты, погасил свет и, забравшись под одеяло, открыл в зеркоме каталог представленных гимназией книг, где тут же принялся искать материалы по этому предмету. Уж очень не хотелось ударить в грязь лицом на первом же занятии.

Это был натуральный шок. Я ждал от естествознания чего угодно: физики, химии, может быть, биологии, в любых пропорциях и смесях, но то, что удалось понять из базового учебника, предназначенного для четвертого «цикла» гимназии Святого Ильи, то есть для тринадцати-четырнадцатилетних недорослей, напрочь перевернуло все мои смутные и куцые представления об этом мире. То, что здесь именуется естествознанием, оказалось известно мне по многочисленным книгам моего мира. Художественным. Фэнтезийным.

Магия! Магия, черт бы ее подрал! Вот что здешние жители именуют словом «естествознание». Какая насмешка... Это было дико, совершенно неправильно и откровенно пугающе. Причем настолько, что поначалу я даже склонен был подозревать, что предоставленные мне учебники по этому самому «естествознанию» были всего лишь несмешной шуткой. Но от этой мысли пришлось отказаться, когда я увидел количество материалов по предмету, да и структура, подача информации... все это было слишком для обычной шутки. Чересчур, я бы сказал, но и поверить в то, о чем эти книги повествовали, вот так сразу я не мог, тем более что все попытки воспроизвести одно из простейших упражнений, расписанных в базовом учебнике, обратились для меня полным пшиком. Не получается. Может, все-таки шутка, а?

На следующий день, во время первого занятия, тетка Ружана с легкостью разбила мои скромные надежды. Нет, она не демонстрировала файерболы или какой-нибудь «Ледяной шторм», но поверьте, когда чурбак под вашей задницей начинает дергаться, а потом, вырвавшись «на свободу», взлетает в воздух и кружится вокруг стоящей посреди двора женщины, умудряющейся при этом сохранять на лице маску абсолютной невозмутимости, это... впечатляет.

– Простейшая манипуляция материальным объектом. В естествознании и философии именуется левитацией или телекинезом, – проговорила она, и чурбак упал прямо у моих ног. Если бы я в этот момент уже не сидел на земле, наверняка упал бы.

– И я так смогу? – Мой голос, кажется, был больше похож на бляенье.

– Сейчас – нет, – покачала головой тетка Ружана, присаживаясь на лавочку под навесом. Если забыть, что мы находимся во дворе хутора, и не обращать внимания на простое платье женщины, глядя на нее, можно подумать, что мы находимся на каком-то великосветском приеме. Осанка, жесты, мимика... да-да, конечно, «простая деревенская баба», верю-верю. И куда только подевалась шутрая хозяйка дома, гоняющая своего старика то метлой, то ухватом? Смерив меня долгим, испытующим взглядом, тетка Ружана еле заметно покачала головой и договорила: – Но после небольшой подготовки научиться подобным... фокусам тебе будет несложно.

– Что нужно делать? – встрепенулся я, не сдержав любопытства.

– Тебе – ничего. Просто сядь поудобнее и закрой глаза. Только постарайся не уснуть, – велела она.

Что ж, это можно. Правда, сомневаюсь, что мне удастся уснуть, сидя на твердой земле в позе недоделанного лотоса... А может быть, и полу-у... а-ах...

– Не спать, Ерофей!

Окрик Ружаны Немировны заставил меня вздрогнуть. Я открыл глаза и огляделся. Хм, судя по теням, прошло не меньше часа. Вот это я отчебучил...

– Не сплю, тетка Ружана. Не сплю. – Я нервно улыбнулся под тяжелым взглядом хозяйки дома. У нашего командира временами такой же бывал. Так и слышится его фирменное: «Это залет, боец».

– Вижу, – усмехнулась она и кивнула. – Ладно уж, блокировку я убрать успела, а сейчас смотри мне в глаза... и учись.

Учиться? Как? Чему? Я уставился на хозяйку дома и... удивился. У нее же вроде бы были серые глаза? А сейчас... сейчас они черные, словно зрачок закрыл всю радужку. Глубокие...

Я успел почувствовать, что проваливаюсь куда-то в темноту, и падаю, падаю, падаю... А потом вдруг резанул свет, и я с раздраженным шипением принялся тереть глаза.

- Успокойся и убери руки от глаз, - непререкаемым тоном заявила Ружана Немировна. - И прекрати материться, это было не так уж больно.

- Да ну? - Сарказма в моем голосе было не меньше, чем льда в тоне хозяйки дома.

- Именно так. - Поднявшись с лавки, тетка Ружана «подплыла» ко мне и положила ладонь на глаза, которые я все же перестал тереть. По лицу волной прокатилась прохлада, и раздражение ушло, будто его и не было. Я облегченно вздохнул, на что новоявленная учительница только усмехнулась. - Это мелочи, Ерошка. Было бы дело лет пятьдесят назад, и такую блокировку пришлось бы снимать несколько дней в изолированном помещении, а ты при этом даже пошевелиться не смог бы. Представь, катетеры, внутривенное питание...

- Ужас какой. - Меня передернуло.

- Согласись, мой метод лучше. - На этот раз улыбка все же коснулась взгляда тетки Ружаны. М-да уж. Действительно, лучше провести пару часов в забытьи и чуть помучиться от раздражения глаз, чем провести черт знает сколько времени в неподвижности и с кучей трубок в теле.

- Если все действительно так, то... ваш метод нравится мне куда больше, - признался я. - И что теперь?

- Теперь? - Хозяйка дома плавно повела рукой, и передо мной приземлился уже знакомый чурбачок. - Будешь осваиваться с открывшимися возможностями. Для начала подними его. Как угодно, главное не трогай руками... вообще к нему не прикасайся.

Нормально. И как же его тогда подниму?

– Воля, желание, – словно подслушав мои мысли, произнесла она. – Как это будет для тебя выглядеть, неважно. Главное – действие.

– Э-э...

– Ты слишком громко думал, – пояснила моя учительница. – Мысли же читаются иначе, потом покажу. А сейчас будь добр, подними эту деревяшку.

Значит, воля и желание, да? Попробуем. Сосредоточив внимание на лежащем у моих ног чурбачке, я глубоко вздохнул и пожелал, чтобы он взлетел. От души пожелал. Но... Лежит зараза и в ус не дует.

И начались мои мучения. Чего я только ни перепробовал, от моих усилий чурбак, кажется, даже опалился местами, но в воздух не поднялся ни на миллиметр. Как я ни заставлял его, как ни уговаривал, как ни пытался визуализировать свое желание, чурбак с места не тронулся. И только часа через два, когда ушедшая в дом тетка Ружана захрохотала выставляемой на стол посудой, я что-то почувствовал. Между мной и проклятой деревяшкой словно образовалась незримая нить... нет, не так. Поток? Да, поток моего внимания «обнял» чурбак, и тот, еле слышно хрустнув, наконец, взлетел. Вот так легко и просто, да. Если не считать литров пролитого мною пота и задеревеневшего от долгой неподвижности тела. Но я это сделал! Ну что, кто последний в Черные Властелины? Никого? Тогда я первый буду!

Глава 3

Давненько я так не впахивал. Утренние тренировки сменялись помощью деду Богдану и его жене, после обеда начиналось время учебы у Ружаны Немировны, а расправившись с ужином, я погружался в книги, освежая имеющиеся знания, а чаще изучая то, чего и не знал никогда. В результате спал я, что называется, без задних ног. Но оно и к лучшему. Влиться в жизнь совершенно незнакомого мне сословного общества без знаний основополагающих вещей было бы невозможно. И я откровенно благодарен хозяйке дома за то, что она взяла на себя труд не

только подтянуть меня в так называемом естествознании, но и взялась за ликвидацию пробелов в моем воспитании. Нет, речь шла не об этикете, хотя и его она частенько затрагивала в своих лекциях, но большая часть объяснений касалась взаимоотношений между представителями разных сословий. Пусть за последнюю сотню лет, с развитием общества, рамки сословий изрядно стерлись, но, оказывается, остались некоторые вещи, без знаний которых можно легко нарваться на большие неприятности... И как мне кажется, Ружана Немировна понимала под этим отнюдь не опасность прослыть сумасбродом и невежей.

Вообще, обучение у хозяйки дома было самой неоднозначной частью моей жизни на хуторе. И первой особенностью было само поведение и очень неожиданные знания Ружаны Немировны. Чем больше мы общались, тем отчетливее я понимал, что супруга Богдана Бранича Бийского совсем не так проста, как кажется на первый взгляд. А уж ее знания... чего стоят только лекции о правилах общения, принятых в различных слоях общества! А лекции о старых семьях, чье могущество строится не только на капиталах и политическом влиянии, но и на сохраненных древних знаниях в той области, что здесь именуют естествознанием, а иногда с пафосом зовут философией... И уж точно я не мог не заметить, что сведения по этому предмету, которыми со мной щедро делилась хозяйка дома, не очень-то похожи на то, что я вычитал в гимназических учебниках. У Ружаны Немировны был совсем иной подход к тому, что здесь именуют ментальными манипуляциями. Не классически формальный, а... чувственный, что ли? В учебниках чуть ли не на каждой странице написано о необходимости точного следования «формулам созидания», расписанным до последнего завитка, а Ружана Немировна, преподавая очередной урок, всегда делает упор на необходимость осознания смысла совершаемой манипуляции и волевой контроль. И честно говоря, этот подход мне нравится куда больше, чем плетение ментальных конструкций в соответствии с рекомендациями учебника.

– Это от того, что ты не воспринимаешь эти самые конструкции как осмысленное действие, – пояснила она, когда я поделился своими размышлениями. – Не видишь смысла заложенного в тот или иной завиток или узел. Это нормально на данном этапе. Более того, многим ученикам, из тех, что не ставят себе целью развитие Дара, большего и знать не надо, ведь для того же облегчения быта совсем не нужно понимать, как именно работает ментальный конструкт, достаточно заучить его наизусть. Тем же, кто не желает останавливаться в самом начале пути, такое формальное обучение началам позволяет подойти к пониманию тонкостей ментального конструирования с уже наработанным, пусть и неосознанным набором шаблонов. Но я считаю, что желающий созидать должен с самого начала четко понимать, что именно и для чего он делает. Иначе

дальше ремесленника-копииста ему не уйти.

– А ваш метод...

– Строится на понимании, прежде всего. Чтобы добиться результата, ты осознаешь каждый оттенок смысла желаемого действия, отсекаешь лишнее, ненужное, оставляя лишь чистый конструкт, лишенный паразитных наводок от неподходящих эмоций, колебаний и неопределенности, и своей волей воплощаешь его в реальность. Желание, осознание и воля, так называемый метод Большой Триады, и он оказался удивительно созвучен твоему восприятию ментала, – ответила тетка Ружана и, чуть помедлив, призналась: – Хотя, возможно, здесь есть и толика моей вины. Все же впервые ты увидел ментальные конструкции через призму моего восприятия, и это не могло не оказать своего влияния на развитие твоего дара.

Что именно хозяйка дома и моя учительница понимала под «созиданием» и какая пропасть отделяет его от «ремесла», я узнал тем же вечером... и вышло это совершенно случайно. После неожиданно скорого, можно сказать, скомканного ужина дед Богдан вдруг сам взялся за уборку стола и мытье посуды, чего я за ним не замечал ни разу за прошедший месяц моего проживания в семье Бийских. Более того, когда я сам пытался предложить свою помощь тетке Ружане в этом деле, она всегда отказывалась ее принимать, причем с таким видом, словно я ее какой-то привилегии лишить пытаюсь. А тут ни словом не возразила, только кивнула благодарно и исчезла за дверью.

Тем больше я был удивлен, когда увидел, что именно отвлекло ее от ежедневного «священнодействия». Хозяйка дома устроилась на широкой веранде... с прялкой и, совершенно никуда не торопясь, принялась за работу. Если бы дело было хотя бы пару недель назад, я бы не постеснялся обратиться к ней с расспросами, но сейчас... сейчас я отчетливо ощущал сосредоточенность женщины и напряжение ментала вокруг нее. Казалось, он тихо-тихо пел для Ружаны, а пряжа в ее руках мягко переливалась серебром под светом полной луны, и это свечение вплеталось в тонкую шерстяную нить, выходящую из-под ловких женских рук, заставляя ее еле заметно сверкать. Опомился я, лишь когда внезапно возникший за спиной дед Богдан положил ладонь мне на плечо.

– Посмотрел? А теперь иди. Ружана не терпит чужого внимания во время работы, – тихо проговорил он.

– А...

– В доме объясню. Идем, не будем мешать. – Понимающе кивнул старик, подталкивая меня к дверям.

– Дед Богдан, что это было? – выпалил я, когда мы оказались в комнате.

– Созидание, – просто ответил он. – Заговоренная светом полнолуния нить замечательно подходит для оберегов, знаешь ли. Понравилось?

– Красиво. – Вздохнул я.

– Это еще что. Вот зимой посмотришь, как Ружана огонь в ткань вплетает. Вот где настоящая красота. – В голосе старика мелькнули мечтательные нотки. – Пламя от зимнего очага тепло в одежде долго держит. Да и здоровью способствует. Хоть нараспашку в мороз ходи, захворать не даст... при сноровке мастера, конечно. А Ружана у нас знатная мастерица, да.

– А вы так умеете? – поинтересовался я.

– Увы. Жена моя идет путем Макоши, а мой удел под рукой Перуна. – Развел руками старик. От такого заявления я несколько опешил. Нет, помнится, он упоминал что-то на эту тему, но... вскользь, да и я тогда еще не отошел от своего неожиданного переезда в другой мир и не обратил внимания на слова старика. Как выясняется, зря. И ведь в учебниках об этом нет ни слова, между прочим.

– Дед Богдан, вы что, язычники? – спросил я. Поймав мой взгляд, дед тяжело вздохнул.

– Ну, рано или поздно все равно пришлось бы об этом рассказывать, – пробормотал он себе под нос, чем вогнал меня в еще больший ступор.

– Что, правда, язычники? – изумился я.

– Нет, – хмуро ответил он и замялся. – Ну, не совсем. В общем, это не верования, это другое... школы скорее. Старые школы волхвовства, вот. То же

естествознание, только древнее, отсюда и названия школ по именам прежних богов.

– И полагаю, что школа Перуна... боевая, – уточнил я, видя, что собеседник закрывается.

– Можно и так сказать, – нехотя кивнул дед Богдан.

– Научите?

– Я так и знал, – печально проговорил старик, возведя очи горе. Но, поняв, что на меня этот спектакль не подействовал, вздохнул. – Только началам.

– И то хорошо! Вы же не обязаны, – я улыбнулся. Боевые умения лишними не бывают, даже если они начального уровня. К тому же кто сказал, что к тому времени, когда я их освою, дед Богдан не решит продолжить обучение? Уговорю.

– Не в том дело, – ответил он. – Просто научиться большему можно только после обряда Выбора, но вот будешь ты его проходить или нет, это бабушка надвое сказала. Мы с Ружаной не в том возрасте, чтобы брать учеников, а искать учителя на стороне... сложно.

– Не скажу, что все понял, но все равно спасибо. Вы много делаете для меня, дед Богдан, – поблагодарил я старика, на что он только рукой махнул.

– Я поступаю так, как велит моя совесть. К тому же меня просто радуют твои любознательность и открытость. Знаешь, сложно ожидать такого отношения от...

– Бездомного волчонка? – усмехнулся я.

– Скорее уж молодого волка. – Отразил мою улыбку дед Богдан и, бросив взгляд на часы, договорил: – Время уже позднее, иди, читай свои учебники. А завтра на занятии Ружана расскажет тебе и о старых школах, и о Выборе... что сможет, конечно.

Нет, определенно, пусть мне и жаль, что память «реципиента», в тело которого я попал, не желает открываться в полной мере, но в этой «амнезии», точнее, в том, что ее диагностировала Ружана Немировна, есть и определенные достоинства. Иначе, как бы я объяснял незнание вещей, совершенно обыденных для местных жителей? Вот и со школами имени древних богов получилось так же. Не было в них никакой особой тайны, что я выяснил, добравшись до книг в зеркоме. Упоминания о существовании этих школ нашлись и в учебниках по истории и в обзорах по различным философским традициям. Другое дело, что большая часть источников уверяла, будто эти самые школы давно сошли со сцены, уступив пальму первенства в ментальных манипуляциях научному подходу естествознания, а ныне старые традиции пребывают в упадке и чуть ли не забыты, но уж тут доверять печатному слову я не стал. Все же перед глазами у меня почти постоянно маячат сразу два представителя этих самых «забытых традиций», и, судя по обмолвкам, они не единственные приверженцы «ненаучного подхода к ментальным манипуляциям» в этом мире.

Уснуть мне удалось далеко не сразу, и на следующий день я извелся, ожидая начала занятия и возможности задать множество вопросов, роящихся и жужжащих в моей голове, словно пчелы. Но все-таки дотерпел и даже постарался, задав один вопрос, заткнуться, чтобы не вывалить на голову преподавательницы все свои измышления разом.

– Ритуал Выбора? – Бровь Ружаны Немировны чуть приподнялась. – Неужто ты и это вытянул из моего старика?

– Не совсем, – признался я. – Дед Богдан отослал меня с этим вопросом к вам.

– Понятно. Значит, о волхвовских школах ты уже прочел, – задумчиво протянула она и, потрянув гривой черных как смоль волос, резко кивнула. – Ладно. Расскажу, что смогу. В отличие от современной концепции естествознания, оперирующей жесткими формулами, старые школы больше полагались на чувственное восприятие... но это ты и так уже понял, не так ли? А ведь каждый человек ощущает мир по-своему, это зависит от характера, воспитания, умений и привычек, в конце концов, и обряд, который тебя так заинтересовал, позволяет определить склонности ищущего ученичества и направить его по тому пути, где ученик сможет полнее всего раскрыть себя и свой талант.

– То есть школы на самом деле не специализированы? – удивился я.

– Не в большей мере, чем сами люди. Садовод может стать убийцей, а воин на досуге сочинять поэмы, – усмехнулась тетка Ружана. – Что не помешает, при случае, первому воспользоваться окровавленным ножом, чтобы разрыхлить землю вокруг увядающей розы, а второму – воткнуть в горло врага перо, только что поставившее точку в очередном сонете.

– А дед Богдан сказал, что школа Перуна – боевая, – протянул я. Пафосная речь хозяйки дома несколько выбила меня из колеи.

– И он тебе не соврал. – кивнула она. – Это абсолютно мужская школа, путь тех, кто идет к своей цели, невзирая на препятствия, сметая их со своего пути.

– А школа Макоши? – спросил я.

– Путь согласия. Женская школа, в которой никогда не было ни одного мужчины. – Проговорив эту фразу, Бийская вытянула перед собой руку, и на ее ладонь неожиданно вспорхнула небольшая птичка с яркой оранжевой грудкой. Блеснув черными бусинами глаз, она попыталась отыскать на сложенной лодочкой ладони что-то съедобное. Не обнаружив искомого, малиновка встрепенулась, взъерошила перья и залилась долгой трелью. А я прямо-таки почувствовал недовольство маленькой птички. Поймав мой изумленный взгляд, Ружана Немировна вытащила из кармана передника горсть зерен и, отпустив накормленную птицу, кивнула. – Школа Велеса. Путь понимания.

Черт-те что и сбоку бантик. Вот как это называется.

Лекция о школах затянулась надолго, хотя и была очень общей, фактически обзорной. Но количество направлений оказалось так велико, что запомнить их все с одного раза у меня ни за что не получилось бы, так что пришлось вооружиться блокнотом, карандашом и писать, писать, писать. Зато сколько информации к размышлению и... для сравнения. Утонуть можно.

В отличие от жены, дед Богдан, взявшись исполнять данное слово, лекциями не заморачивался. У него на первом месте была практика.

– Ружана сказала, что ты неплохо освоил телекинез, – прогудел старик и кивнул в сторону сваленных у забора, попиленных на чурбаки бревен: – Вот и займись. А то завтра баню топить нечем будет.

Я пожал плечами и, подхватив потоком внимания сразу пяток чурок, потащил их к комлю. Свалив будущие поленья рядом с пнем, попытался взяться за колун, но тот вдруг исчез прямо у меня из-под носа, чтобы спустя мгновение оказаться в руке деда Богдана.

– Э-э?

– Телекинез, Ероха, – покачав головой, заявил старик. – Без колуна справишься.

– Попробую, – вздохнул я.

– Не надо пробовать. Сделай, – бросил Бийский и... ушел. Вот ведь Йода-переросток.

На то, чтобы решить задачу, поставленную дедом Богданом, у меня ушло часа два... и не меньше двух десятков чурок, разнесенных в клочья. Ну не хотели они поначалу колотиться, как положено, да и я не сразу сообразил, как лучше воздействовать. А потом, пока приноровился, пока освоился... в общем, к тому моменту, когда дед Богдан явился на задний двор, чтобы принять работу, я валялся под грушей и пытался прийти в себя. Устал... но задачу выполнил.

– Умаялся, а? – усмехнулся старик, остановившись в двух шагах от меня. Я кивнул, не поднимаясь с земли. Сил не было даже на то, чтобы просто сесть. – Вижу-вижу. Что ж, покажи, чего добился.

– Вон, поленица сложена, – отмахнулся я.

– Встать! – От внезапной смены тона меня буквально подбросило вверх. Тело словно само по себе оказалось на ногах и тут же вытянулось во фронт. Привычка, чтоб ее. Дед Богдан окинул меня насмешливым взглядом. – Вот, другое дело. Давай продемонстрируй, чему научился.

Я вздохнул и посмотрел в сторону забора, у которого оставалась еще немаленькая куча чурбаков. Подхваченный потоком моего внимания, один из них взлетел в воздух и, тихо хрупнув, распался на четыре части. А меня ощутимо шатнуло.

– Перенапрягся, – заметил дед Богдан, придерживав меня за плечо. – Садись наземь, Ероха, и смотри внимательно.

Повинуясь желанию старика, из кучи вылетела пара чурок и приземлилась рядом с ним. Ухватив пальцами деревяшки, Бийский поставил их на пень и резко сдавил ладонями. Сухое дерево недовольно хрустнуло под его руками и распалось на восемь полешек.

– Силу экономить надо, а то мозги с соплями вытекут, – назидательным тоном проговорил дед Богдан. – Попробуешь?

Я неуверенно кивнул, и старик тут же всучил мне пару послушно прилетевших по его команде чурбаков. Сосредоточиться... руки сжали дерево, сдавили его... и поток внимания, скользнув меж ладоней, легко расколол поленья на те же восемь частей. Это оказалось куда проще, чем обычный телекинез. Намного проще!

– Молодец! – В эмоциях Бийского блеснули нотки довольства. – А теперь поднимайся и пошли обедать, а то Ружана уже заждалась... как бы ухватом подгонять не пришла.

На этот раз старик не стал изображать фельдфебеля и помог мне встать на все еще подрагивающие в коленях ноги, да еще и поддержал, пока мы добирались до стола на летней кухне, где всю суетилась его жена.

Заметив мое состояние, тетка Ружана недобро глянула на деда Богдана, на что тот и ухом не повел, и, вздохнув, заменила грядущее занятие... на письменную контрольную по уже пройденным мною в процессе подготовки к гимназии темам. Вот радость-то...

Проще всего оказалось с точными науками. Алгебра, геометрия... тут мне достаточно было «обновить» уже имевшиеся знания. С физикой и химией было сложнее, поскольку большинство значений в них имели совершенно незнакомые мне названия. Но и тут серьезных трудностей я не ждал. А вот гуманитарные науки... хуже всего дело обстояло с историей, географией и литературой. Знания рецепиента, и без того зиявшие огромными пробелами, здесь вообще не могли ничем мне помочь. Их просто не было! А потому приходилось просто тупо зубрить эти предметы, старательно отгоняя воспоминания о прежней жизни.

Хорошо еще, что хотя бы здешние учебники истории я мог читать, как немного занудную, но все же «альтернативку». Впрочем, это действительно было интересно. Уж очень мне хотелось узнать, почему история этого мира пошла совсем другим путем. Почему столицей России до сих пор является Новгород-Холмгард, как удержались на престоле Рюриковичи и куда делись Романовы, почему не было революций во Франции и в России, и еще много всяких «как» и «почему». А уж когда я добрался до географии, точнее, ее политического аспекта, вопросов только прибавилось. Куда делась Великобритания? Каким образом скандинавские страны объединились в одно государство и как выжила Блистательная Порта? Что за страна такая Галлийские Порты... и почему Северная Америка говорит по-французски и на испанском, в конце концов!

Все это было чрезвычайно интересно, но изрядно замедляло процесс подготовки к гимназии, на что, после очередной контрольной, мне и попеняла явно недовольная Ружана Немировна. Пришлось придавить свое любопытство и сосредоточиться на четком следовании учебному плану, обещая себе вернуться к заинтересовавшим темам после того, как учителя в гимназии подтвердят, что я догнал программу. А ведь были еще и занятия естествознанием!

В общем, июль у меня вышел весьма насыщенным. Настолько, что к его исходу тетка Ружана, проведя очередную контрольную, окинула меня внимательным взглядом и решительно отобрала зеркало со всей библиотекой.

– Неделя на отдых, – заявила она непререкаемым тоном и добавила уже куда более мягким тоном: – Надо, Ерофей. Надо. У тебя уже синяки под глазами, совсем заучился.

Да кто бы возражал-то? Я благодарно кивнул хозяйке дома и... отправился на помощь деду Богдану, чинить крышу амбара. Учеба учебой, а обещания надо выполнять, я же из-за подготовки к гимназии изрядно подзабросил хозяйственные дела, из-за чего чувствовал себя не в своей тарелке. Люди со мной возьтятся, а я даже отплатить по-человечески им не могу! Нехорошо.

Уж не знаю, специально тетка Ружана так подгадала или это случайность. Но буквально на следующий день после начала моих «каникул» на хуторе вдруг стало оченьлюдно. Я как раз заканчивал утреннюю тренировку, когда услышал лай цепного пса и грохот открываемых ворот. Заинтересовавшись происходящим, я пересек задний двор и, миновав галерею, соединявшую хозяйственные постройки с домом, поднялся на веранду, где хозяйева хутора уже

встречали гостей, сына с невесткой и внуков. Точнее, внука и внучек. У Брана Богданича и Бажены Вентовны, как я узнал у тетки Ружаны, трое детей. Сын Олег – сверстник мое... мой сверстник, и две дочери. Четырнадцатилетняя Мара и десятилетняя Злата.

Пока родственники шумно и весело приветствовали друг друга, я держался чуть в стороне, стараясь им не мешать. Но долго оставаться в тени мне было не суждено. Первой меня заметила мелкая. У девчонки было действительно подходящее имя. Голубоглазое блондинистое чудо окинуло меня горящим любопытством взглядом, выкарабкалось из дедовых объятий и, подбежав ко мне, протянуло ладошку.

– Я – Злата. А ты кто?

– Ерофей, – улыбнулся я непосредственности девчонки. – Подопечный Богдана Бранича.

– То есть ты, получается, мой дядюшка? – уточнила Злата под смех взрослых.

– Эм-м... нет. Я всего лишь воспитанник деда Богдана и Ружаны Немировны, – ответил я.

– Жаль, я бы не отказалась от родственника со светлыми волосами, как у меня и мамы, – протянула девочка и, стрельнув глазами в сторону отца и сестры с братом, действительно не отличавшимся светлым цветом волос, договорилась: – Тогда нас было бы поровну, если считать седину деда.

– Злата, отстань от мальчика, – со вздохом попросила ее мать, такая же светловолосая и голубоглазая невысокая стройная женщина, выглядящая еще более хрупкой на фоне своего кряжистого мужа. Она перевела взгляд на меня и устало улыбнулась. – Не обращай внимания. Ее выдумки... О, извини, мы не представились.

– Все в порядке... – сдержав улыбку, ответил я и, вспомнив наставления тетки Ружаны, отвесил короткий полупоклон. – Я Ерофей Хабаров.

– Бажена Вентовна Бийская, – кивнула женщина. – А это мой муж – Бран Богданич и дети. Олег и Мара... ну а со Златой ты только что познакомился.

Сын деда Богдана поприветствовал меня довольно радушно, а вот его старшие дети только скользнули по мне равнодушными взглядами и нехотя кивнули. Ну и ладно, я ж не червонец, чтобы всем нравиться, правильно?

После шумного завтрака, наполненного смехом и радостью от долгожданной встречи, гости принялись перетаскивать вещи из машины и устраиваться в доме, а я, чтобы не мешать им и не путаться под ногами, ушел на хозяйственный двор, заканчивать оставшиеся с вечера дела.

* * *

Кряжистый темноволосый мужчина с резкими чертами лица стоял у окна второго этажа просторного дома и чуть прищуренным взглядом наблюдал за происходящим во дворе действием. А там было на что посмотреть. По вытопанной до каменного состояния площадке, залитой алым светом заходящего солнца, кружился светловолосый юноша. Блестела от пота загоревшая до бронзового цвета кожа, босые ноги, уверенно переступающие по невидимому кругу, выбивали из земли фонтанчики пыли, и тихо гудел воздух от резких ударов жилистых рук. А напротив него в том же танце скользила тень, ловко ускользя от своего живого противника. Но время от времени ей не удавалось уклониться от удара противника, и тогда по серой тени пробегала волна, словно по воде от брошенного камня. Порой тень взрывалась ударами, и тогда уже юноше приходилось показывать чудеса, уворачиваясь от стремительных атак противника.

Наконец, заработав сразу несколько серых росчерков на голом торсе, молодой человек отпрыгнул от тени и замер на месте. Призрачный противник застыл в аналогичной позе и... рассыпался пылью.

Бран проводил взглядом скрывшегося за углом дома уставшего мальчишку и, покачав головой, обернулся к сидящему за столом отцу.

– Это то, что я думаю? – спросил он.

– Ты меня с матерью перепутал? – насмешливо отозвался Богдан Бийский. – Откуда мне знать, что ты думаешь?

– Отец! – Нахмурился Бран. – Ты же понимаешь, о чем я. Парень появился здесь всего два месяца назад, а ты уже протащил его через Выбор! Вы с матерью с ума сошли?

– Он не проходил Выбор, – совершенно спокойно проговорил старик.

– О да, у нас теперь каждый мальчишка способен на танец с тенью, да? – Сарказм в голосе Брана просто зашкаливал.

– Не поверишь, но до этого фокуса он дошел сам, – ответил старший Бийский и искренне расхохотался, заметив ошеломление сына. – Я всего лишь показал ему технику пылевой руки. Помнишь такую?

– Ментальный конструкт, позволяющий выполнять работы, не требующие приложения больших усилий, в труднодоступных местах, – словно по учебнику процитировал Бран.

– Ага, он им затор в трубе чистил, – довольно кивнул старик. – Чистил-чистил, а потом подумал, и вот что получилось. Согласись, неплохо для новичка?

– Ну, допустим, форму он придумал ей сам. А матрица движений? – спросил сын. – Ни за что не поверю, что он уже освоил манипуляции такой сложности!

– С Ружаны стряс, – фыркнул дед Богдан. – Сам знаешь, при современном подходе понимание конструкта не нужно, главное, уметь его воссоздать без искажений. Мать показала, он заучил. Парнишка упертый, за неделю управился.

– Упертый, да? – протянул Бран и договорил уже более уверенным тоном: – Теперь понятно, почему вы так в него вцепились. Решили универсала из него сделать. А самого мальчишку вы спросили, или опять тихушничаете?

С приездом семьи младшего Бийского мой распорядок дня несколько изменился. Нет, я по-прежнему начинал утро с тренировки, а после завтрака помогал по хозяйству деду Богдану и тетке Ружане, но вместо отмененных послеобеденных занятий предпочел гулять по окрестностям, и завершал день еще одной долгой тренировкой, но уже с использованием всех своих невеликих возможностей в естествознании, полученных за прошедшее время от старших Бийских. И эти вечерние занятия я старался проводить подальше от хутора, на реке или в небольшой рощице у озера, в полчасе ходьбы от дома. Да, фактически я сбегал... потому что достали! Если утренняя тренировка проходила слишком рано для городских жителей, и меня в это время никто не беспокоил, то стоило тетке Ружане загреметь на кухне посудой и заняться приготовлением завтрака, как дом наполнялся суетой и шумом, от которых я за последние годы банально отвык. Младшие Бийские, похоже, просто не знали, что такое тишина и спокойствие, разумеется, я имею в виду внуков деда Богдана, а не Брана с Баженой.

Вот от этих детей я и сбегал, сначала на хозяйственный двор, помогать старику, а после обеда на прогулку. Нет, поняв, что тройка шептунских отпрысков Брана Богданича не особо горит желанием соваться в грязь хоздвора и не желает нюхать ароматы навоза, я сначала попытался скрыться от них там на весь день, но старик, под одобрителный кивок жены, погнал меня прочь. Вот и пришлось искать себе занятие вне хутора.

С вечерней тренировкой поначалу вышло еще хуже. Стоило мне заняться разминкой на полянке за домом, как всем своим обострившимся за последние два месяца чутьем я ощутил неослабевающие потоки внимания чуть ли не со всех сторон. Очень неприятное ощущение, надо сказать. Настолько неприятное, что я трижды сбивался, создавая выпрошенный у тетки Ружаны конструкт, «оживляющий» тень для спарринга. А тут еще и приятели и подружки Олега с Марой зачастили на хутор с ближайших окрестностей. В общем, о спокойной жизни осталось только мечтать.

Искать общий язык со старшими детьми Брана и Бажены мне не хотелось. Да они и сами не горели таким желанием, воспринимая меня лишь как часть обстановки дедова дома, не больше. А вот Злата... самая младшая Бийская явно была настроена на общение, и плевать было этому дьяволенку в юбке, что я не разделял ее устремлений. На мои тренировки с использованием ментальных конструктов она готова была смотреть часами, чем изрядно меня нервировала. Сталкер, чтоб ее! Но и прогнать ребенка я не мог, вот и приходилось

изворачиваться и незамеченным линять с хутора. А старшие Бийские, кажется, вовсю наслаждались нашими со Златой играми в прятки... и если мне не изменяет мой слух, то даже устроили тотализатор.

Медитация вида «расслабление – опустошение – концентрация», по словам Ружаны Немировны, является важной составляющей подготовки любого созидającego, будь то волхв или «философ». Она призвана отточить способности манипулятора, увеличивая концентрацию, столь необходимую при создании ментальных конструкторов. Именно такой медитацией я и занимался, сидя на берегу небольшого озера, когда по чувствам словно бритвой полоснуло чье-то внимание. Это было неожиданно... когда Ружана Немировна знакомила меня с этой особенностью медитативного транса, ее собственное внимание, как и редкие всполохи интереса деда Богдана, наблюдавшего тогда за учебным процессом, ощущались мною гораздо более мягко, такой яркости эмоций там не было в помине.

Поначалу я подумал, что это Злата все же смогла как-то выбраться из дома без присмотра и отыскала меня даже здесь. Но спустя пару секунд понял, что потоков внимания, скрестившихся на мне, больше одного... точное количество я бы не взялся определить, слишком велико расстояние, да и недавно проснувшихся умений не хватает, но то, что их было не меньше трех, я почти не сомневался. Как и в том, что наблюдающие за мной люди довольно быстро приближаются. Со спины.

Открыв глаза, я полюбовался открывающимся передо мной видом на озеро и, вздохнув, повернулся к «гостям». Ну, рано или поздно это должно было случиться. Дети, какими бы замечательными и умными они ни были, не могут сколько-нибудь долго скрывать свой интерес. Вот и Олег с Марой, очевидно, устали притворяться, что им плевать на появившегося у их родного деда подопечного. Правда, меня несколько смущает группа поддержки, которую дети Брана и Бажены притащили с собой на озеро. Раз, два... пять человек. Три парня и две девчонки, явно ровесники Бийских, может быть погодки. И все пятеро как на подбор довольно высокие для своего возраста, подтянутые, спортивные. Хм, если так подумать, то пусть я видел здесь не так много людей, но среди них большинство отличается неплохой физической формой, и младшие Бийские со своими приятелями и приятельницами не исключение. Мой взгляд невольно задержался на вполне сформировавшихся фигурках женской части пожаловавшего ко мне в гости коллектива, и девушки это заметили.

– Значит, это и есть тот самый неуловимый батрак вашего деда? – милым тоном поинтересовалась одна из подружек Мары, черноволосая и черноглазая девчонка в коротком сарафане, открывающем неплохой вид на стройные загорелые ноги. Кажется, ей очень не понравился мой взгляд.

– Подопечный, – ровным тоном уточнил Олег, чуть недоуменно глянув на изображающую саму невинность девчонку.

– Ну, ты же говорил, что он вечно возится по хозяйству. – Сделав вид, что не заметила реакции Бийского, пожала плечами та и, чуть подумав, кротко улыбнулась. – Хотя ему же даже за это не платят, не так ли?

– Какие у вас занимательные друзья, Олег, Мара, – вздохнув, заметил я. – Так, походя, ни в чем не разобравшись, обвинять вашу родню в эксплуатации детского труда...

– С моими друзьями я разберусь без чужих советов, – чуть вспыхнул в ответ Олег, но мой намек, кажется, он понял правильно.

– Не надо ссориться. – Мара ткнула брата кулаком в плечо и довольно искренне мне улыбнулась. – В конце концов, мы пришли сюда не ругаться, а познакомиться с человеком, что вот уже два с лишним месяца живет в нашем доме.

– Ерофей, – произнес я.

– Что? – не поняла Мара.

– Человека, который вот уже два с лишним месяца живет в вашем доме, зовут Ерофеем, – пояснил я. Брат с сестрой переглянулись и, дружно кивнув, представились сами, под недовольный фырк черноглазой стервочки. А следом за Бийскими назвали свои имена и их спутники... и не влюбившая меня с первого взгляда девчонка вынуждена была последовать их примеру. Мирослава... ха, кто бы мог подумать, что у такой ершистой барышни может быть такое мирное имя?

Честно говоря, я с трудом представлял, о чем можно говорить с этими ребятами. Своих детей у меня никогда не было, да и себя в том возрасте я помню не так

чтобы очень хорошо. Кроме того, вряд ли у здешних молодых людей те же интересы, что были у меня и у моих сверстников в их годы. В общем, поначалу беседа шла со скрипом, и постоянные подколки Мирославы ситуации отнюдь не улучшали. Тем не менее, пока мои собеседники упорно вытаскивали из меня информацию об увиденных Марой и Олегом тренировках и странно заинтересовавших их занятиях с менталом, я в свою очередь расспрашивал их компанию об окрестностях. Места-то хоть и знакомые, но здесь же все иначе, чем было в прошлом мире. Некоторых поселений нет, другие иначе называются. Там где, на моей памяти, должны были находиться одинокие хутора, вдруг обнаруживаются целые станицы... в общем, из Мары с Олегом и их товарищей получился очень неплохой источник информации. А уж когда я узнал, что кое-кто из их компании учится в той самой гимназии, куда мне придется идти в уже недалеком сентябре, радости моей не было предела. Это ж сколько полезной информации можно получить из такого источника! Впрочем, радость была недолгой. Сильно сомневаюсь, что Мирослава с удовольствием поделится со мной нужными данными. Эх... Вот что за невезуха? Почему единственным человеком в этой компании, обладающим нужными мне знаниями о гимназии, оказался этот пыхтящий чайничек? Уточню, злопамятный пыхтящий чайничек... хотя и очень симпатичный, да. Но последнее это чистая эстетика. Девушка, конечно, красивая, но когда она дуется, то производит впечатление сущего ребенка, так что мое сознание просто не воспринимает ее как ровесницу... даже ровесницу нынешнего тела.

Впрочем, если не учитывать небольшого облома с информацией о гимназии, беседа наша прошла достаточно продуктивно и принесла мне немало интересных сведений. Так, во время разговора о моих тренировках в ментальных манипуляциях я совершенно случайно узнал, что здешних детей начинают обучать подобным вещам не раньше, чем им исполнится четырнадцать-пятнадцать лет. Вроде как раньше будить такие силы в детском организме опасно. И сразу стало понятен интерес молодых людей к моим занятиям. «Настоящее», так сказать, прикладное естествознание, а не набор почти неприменимых в жизни тренировочных ментальных конструкторов, учащиеся начинают осваивать после наступления так называемого первого совершеннолетия, и именно поэтому Олег с Марой были так удивлены, увидев использование действенных приемов ментального манипулирования в моем исполнении. Пришлось отговариваться, что эти занятия были предложены дедом Богданом, рекомендовавшим меня в гимназию, с тем, чтобы я не слишком отставал от программы. Уж не знаю, поверили мои собеседники или нет, но больше на эту тему они меня не расспрашивали. Зато о практической стороне вопроса мы поболтали еще часа полтора, за которые я сумел узнать немало

нового и интересного в области естествознания, точнее, его классической части. Олег с его приятелями, хвастаясь перед присутствующими девчонками, продемонстрировали несколько забавных «фокусов»-самоделок, созданных ими с использованием тех самых «тренировочных», а значит, почти бесполезных конструкторов. Девушки задирали носики, но поглядывали в сторону «фокусников» с интересом... и восторженно запищали, когда Мирослава, чуть закусив губу от напряжения, подняла над зеркалом озера двухметровый шар воды, в котором легко можно было заметить мечущихся рыб, ошалевших от такого мироизвращения. Парни тихо заворчали, и Олег многозначительно посмотрел на меня.

– Ты же помнишь, что я занимаюсь чуть больше двух месяцев? – вздохнув, тихо спросил я, но внук Брана только упрямо мотнул головой.

– Покажи бой с тенью, – чуть ли не шепотом ответил Олег. Заметившая наши переглядывания Мара еле заметно усмехнулась. Хм... интересно. Предвкушение, ожидание... Ой-ой, а эмоции-то надо прикрывать, девочка, тем более когда сидишь в таком тесном кругу. Так и скажу тетке Ружане, она тебя быстро на путь истинный наставит.

– Тени, значит? – Я присмотрелся к Олегу, но ничего кроме азарта не почувствовал. Не при делах? Что ж, пусть так. А вот с девчонками стоит быть поосторожнее, кажется, тяга к манипуляциям и интригам у них выше среднего по больнице. Что ж... сыграем. Ощущая эмоции присутствующих барышень, догадаться, к чему вся эта возня, оказалось нетрудно. Вопрос в том, что именно они задумали сотворить с моей тенью? Впрочем, а кто сказал, что я должен действовать именно так, как они рассчитывают?

Ох... вспоминай, голова, как тетка Ружана говорила... вспоминай. Эх, а если так?

* * *

– Мира, тебе не кажется, что наша идея несколько... – проговорила Мара, когда их компания, разделившись, покинула берег озера, оставив там подопечного старших Бийских.

– Провалилась, – вздохнула Мирослава, бездумно крутя в руках белоснежный и холодный, искрящийся цветок-снежинку. Девушка бросила взгляд на алый с серыми прожилками и краешками цветок в волосах Мары, похожий на рдеющий уголек, и в очередной раз попыталась раздавить подаренную ей «снежинку». Вот еще! Белоснежный цветок послушно осыпался кристалликами льда, но уже через миг снова возник в ладони Миры, обдав ее холодным ветерком. Такой же материальный, как пару секунд назад. Девушка перехватила короткий стебель другой рукой и... зарычала. – Ну вот как? Как он это сделал?!

Молчаливая Заряна покосилась на подругу и, тихо хихикнув, покрутила подаренную ей Олегом полупрозрачную розу. Вода под пальцами девушки пошла рябью, отчего лепестки распустившегося цветка мелко задрожали, переливаясь солнечными бликами.

– Заряна, ты знаешь, – утвердительно произнесла Мирослава, смерив подругу подозрительным взглядом, и чуть ли не приказала: – Рассказывай.

– Это обычный конструкт «пылевой руки», только чуть измененный. Форма иллюзии – цветок. Тип воплощения – лед, вода и... огонь. Температурное ограничение наложено стандартным конструктом из школьного учебника естествознания. Еще вопросы?

– Нет, спасибо. – Мирослава изобразила улыбку, но идущая рядом с ней Мара отчетливо услышала скрип зубов подруги. Ерофею можно посочувствовать, Мира – весьма мстительная особа...

* * *

Выяснить, что именно затеяли барышни сотворить с моим «теневином», оказалось проще простого... точнее, так я думал по пути с озера. Но тетка Ружана в ответ на мой вопрос только улыбнулась и... вручила отобранный было на время «каникул» зеркалом. В результате время после ужина я провел за занимательным чтением. Ответ нашелся, как ни странно, не в учебнике по естествознанию, а в обширном ознакомительном обзоре по этому предмету, в главе «Безопасность». «Пылевая рука», которой я пользовался для создания спарринг-партнера, относится к бытовым манипуляциям, никак и ничем не защищенным от прямого воздействия любых других конструктов. Иными словами, если бы я не заподозрил неладное и создал именно «тень», кто-то из

детишек запросто мог бы разрушить его каким-нибудь незначительным воздействием. Понятное дело, вреда от такой шутки не было бы, но доказать потом, что это чей-то умысел, а не результат действия моих кривых рук, не вышло бы.

Цветы же, созданные с помощью Олега и одного из его товарищей, барышень попросту обезоружили. Ну не привычны они пока к таким знакам внимания, вот и... протормозили. А получив в руки такие подарки, развеивать их было просто неудобно. Нет, Мира попыталась, но ее личного нежелания разрушить иллюзию красивого ледяного цветка оказалось достаточно, чтобы переброшенный на поддержку ее собственной воли подарок восстановился через считанные секунды после того, как эффектно рассыпался снежинками. И вот за этот конструкт-«присоску», позволяющую перекинуть поддержание энергетической подпитки на постороннего человека, я был искренне благодарен Олегу. Именно он, уловив мою идею с цветами, с довольной улыбкой наложил на искаженную «пылевую руку» конструкт смены питающего элемента с создателя на пользователя.

Как пояснил сам Олег, когда мы шли к дому деда Богдана, из моих рук девушки просто не приняли бы такой подарок или сознательно закрыли себя от «присоски», в целях безопасности. Так я узнал, что здесь детей сызмальства учат не брать предметы из рук незнакомцев, а тем более не принимать ничего, что несет хотя бы намек на наличие ментальных конструктов. Но последнее это уже правила ТБ для подростков, перешагнувших четырнадцатилетний порог и, соответственно, способных почуять тонкие манипуляции. Для детей помладше такой уточненный запрет бесполезен, поскольку они физически не способны воспользоваться еще не раскрытым даром к ментальному оперированию. А вот из рук друзей подруги Мары приняли цветы без опаски... М-да, мне еще многому нужно научиться, очень многому.

– Я удивлен, что ты ничего об этом не знаешь, – проговорил Олег, когда, распрощавшись с компанией, наша троица вошла во двор на хуторе деда Богдана.

– Меня некому было научить, – коротко ответил я и, услышав голос тетки Ружаны, ткнул Олега кулаком в плечо, отвлекая от нежелательной темы. – Идемте. Ужин стынет.

Не могу сказать, что мы подружился с Олегом и Марой, все же разница в мировосприятии слишком велика... да и не вижу я в них взрослых людей. Вот в упор не вижу. Но я перестал сбегать от брата и сестры Бийских, правда, по-прежнему старался держаться подальше от их друзей. И вот тут всплыл один момент, о котором я, несмотря на свой опыт, как оказалось, просто позабыл. Я всегда был довольно любознательным, если не сказать чрезмерно любопытным человеком, и учеба чему бы то ни было составляла довольно важную часть моей жизни, до самого перехода в этот мир. Иностранные языки, кузнечное дело, архитектура и принципы выживания в дикой местности, кулинария или психология, я учился всю жизнь и теперь недоумеваю, как я мог забыть об одном из наилучших способов обучения, которым не раз и с большим удовольствием пользовался. Что нужно для изучения иностранного языка? Погружение в среду. На чьем примере можно понять собственные ошибки в работе с металлом, как не наблюдая за действиями такого же подмастерья, каким являешься сам? Что заставит мозги работать лучше, как не спор с таким же студентом над грудой расчетов устойчивости конструкции? Нет, помощь профессионала, преподавателя это, конечно, замечательно, но беседа со своим братом-вагантом порой дает результаты, никакими лекциями и объяснениями недостижимые.

А в плане осведомленности в естествознании мы с Олегом оказались в одной весовой категории, так сказать. Нет, у него, конечно, были свои преимущества, такие, как более долгий срок погружения в среду, но здесь я мог держать паритет за счет того, что те знания, которые сын Брана получил «когда-то», мною были получены совсем недавно, а значит, были более яркими. Да, во многом он опирался на постулаты и аксиомы, естественные для человека, выросшего в этом мире, и имел преимущество передо мной, вынужденным запоминать эти не требующие доказательств утверждения, так сказать, академически, как в ситуации с подаренными подругам Мары овеществленными конструктами. Но с другой стороны, то, что им воспринимается как нечто само собой разумеющееся, для меня таковым не является, а значит, упираясь в очередную «аксиому», я вынужден перелопачивать горы литературы в поисках подтверждений... тем самым серьезно увеличивая свой багаж знаний. И общение с Олегом на соответствующие темы шло в ту же копилку. Мы делились мнениями, спорили и то и дело зарывались в мою библиотеку или принимались терроризировать Ружану Немировну, как признанного знатока в сфере естествознания, пытаюсь доказать свою правоту и... вызывая тем самым совершеннейшее недоумение родителей Олега, кажется, впервые заметивших за сыном такую тягу к предмету.

Мара старалась держаться подальше от наших перепалок, но и она нет-нет да и выпытывала то у брата, то у меня очередной интересный «фокус» из наших с ним опытов, обогащая свой арсенал то забавной безделушкой, вроде тех же иллюзорных цветов, а то и чем-нибудь поопаснее... вроде огненных когтей, за которые мы, все трое, получили просто охренительный нагоняй от старших Бийских. В разное время участвовал только дед Богдан. Старик полюбовался на предмет спора, кхекнул-фыркнул... а потом притащил со скотного двора курицу.

– Рубани-ка, внучка, – потребовал он под возмущенные крики Бажены и тетки Ружаны. Да и Бран Богданич загудел неодобрительно. Мара покосилась на родителей, но тут же вздрогнула от окрика деда. – Ну!

От удара полыхнувших алым пламенем когтей курицу разорвало на части. Кровь брызнула во все стороны, а в воздухе потянуло сгоревшей плотью и жженым пером. Старик обвел нашу заляпанную кровью троицу тяжелым взглядом и... довольно кивнул.

Мара, побледнев, метнулась к матери и застыла в ее объятиях, Олег отступил на пару шагов, нервно облизнул губы, на которые попала кровь убитой птицы, и почти тут же его вывернуло прямо мне под ноги. Да и я сам, честно говоря, был недалеко от прощания с недавним обедом. Не могу сказать, что боюсь крови и никогда не видел ничего подобного. Всякое в жизни было, но вот конкретно сейчас... ну не ожидал я такой мощи от придуманного на коленке воздействия! Не ожидал!

Понимание всей опасности наших опытов накатило как-то разом и обескуражило. Точнее, до меня вдруг дошло, что в этом мире любой человек без исключения, вообще, может оказаться носителем оружия, мощность которого далеко превышает все возможные пределы самообороны.

– Я рад, что вы все поняли, – проскрипел дед, обводя нас долгим давящим взглядом. – И надеюсь, демонстрация того, что может сделать эта ваша выдумка с человеком, станет надежной преградой на пути вашего возможного хвастовства и легкомыслия! Если, конечно, вы не хотите оказаться причиной смертей ваших знакомых и друзей, не представляющих, что на самом деле может проделать эта техника с мягким и податливым человеческим телом.

– Мы поняли, деда, – тихо проговорила Мара под наши с Олегом согласные кивки.

– Щиты, – пробормотал я еще тише, но Ружана Немировна услышала...

Вот тогда я и понял, что перед экспериментом с курицей все крики были просто разминкой. Так меня не отчитывали никогда, вообще. Ни в той жизни, ни в этой. И опять дед остался в стороне от этого скандала. Спокойно дождался, пока вопли немного стихнут, и задумчиво покивал головой.

– Щиты это правильно. О защите, вообще, забывать не следует, – выдал старший Бийский, вгоняя всех присутствующих в когнитивный диссонанс. А сам старик, не обращая никакого внимания на отвисшие челюсти сына и невестки, невозмутимо договорил, покусывая кончик уса в паузах меж слов: – Ну, а раз вы такие шустрые и жадные до естествознания, то вот вам задание: до отъезда семьи в столицу представите нам разработку щита... или щитов. Граничных условий не задаю, но надеюсь, вы и сами понимаете, что ваша поделка должна сдержать как минимум удар вот таких вот «коготков». Повторю, времени у вас до семнадцатого августа. Все ясно?

Мы ошарашенно кивнули... всей компанией, включая Брана и Бажену. И только Ружана Немировна печально вздохнула. Но тишину, воцарившуюся во дворе, почти тут же нарушила нарисовавшаяся рядом Злата.

– А что это вы тут делаете... и почему без меня?

Куда делась выпотрошенная и недожаренная Марой курица, я не заметил, кажется, она просто растаяла под сердитым взглядом спохватившейся хозяйки дома.

– Разбираемся с проступком твоих старших брата и сестры и нашего подопечного, – как ни в чем ни бывало усмехнулась тетка Ружана, растрепав шевелюру внучки.

– Дядя Ерофей что-то натворил? – Злата полыхнула изумлением.

– Скажем так, они несколько перестарались в своих философских опытах, – задумчиво протянул Бран Богданич, и девочка с комичной серьезностью покачала головой.

– Значит, теперь им придется носить оградник, да? – вздохнула она, и, к моему удивлению, Мара с Олегом неожиданно побледнели, что не осталось незамеченным взрослыми. Интересно, что это за оградники такие, раз одно упоминание о них из уст десятилетней девочки приводит ребят в ужас? Надо бы разузнать.

– Нет, до этого не дойдет, я думаю... ну, разве что в том случае, если они не справятся с исполнением определенного им наказания, – заметила Бажена, смерив перепугавшихся детей насмешливым взглядом. Те шумно выдохнули.

– Ну... так, мы пойдем, да? – протянула Мара, сжав ладонь брата в своей.

– Точно-точно. Нам же еще задание выполнять... – подхватил тот и, глянув туда, где пару минут назад лежала тушка курицы, осторожно попятился назад.

– Идите-идите, – с милой улыбкой покивали нам Ружана с Баженой и... Я предпочел воспользоваться этим разрешением наравне с младшими Бийскими. На всякий случай. Не знаю, что такое оградник, но видя реакцию ребят, знакомиться с ним на практике мне как-то неохота.

О заинтересовавшей меня и так напугавшей Олега с Марой вещи я смог расспросить ребят, только когда мы оказались на берегу хорошо знакомого мне озера, куда мы подались сразу после разбирательства на хуторе. И вновь, как это уже не раз случалось, мой вопрос заставил Бийских удивиться.

– Как можно не знать, что такое оградник, Ерофей? – изумилась девушка.

– Можно, если забыл большую часть жизни, – пожал я плечами. Эту часть истории младшим поколениям Бийских, с моего разрешения, поведала Ружана Немировна, так что задавать странные вопросы я не стеснялся. Правда, реакция брата с сестрой на них оставалась прежней. Вот как сейчас.

– Извини, – смутилась Мара.

– Ага, она просто забыла, – рассмеялся Олег и тут же огреб острым локотком сестры под ребро.

– Дурак, – констатировала девушка и взглянула на меня. – Это не смешно.

– Ничего страшного, Мара, – отмахнулся я. – Действительно забавно получилось. Так что это за штука такая?

– Оградник... это кровный артефакт, – задумчиво протянул Олег, стерев с лица улыбку. – Его плетут родители для маленьких детей, неспособных контролировать свой ментал, чтобы избавить их от эмоциональных всплесков дара, которые могут быть очень опасны для окружающих. Оградник же закликает такие выбросы, очищает их и мягко возвращает носителю чистый поток энергии. Обычно годам к десяти-одиннадцати всплески сходят на нет, поскольку дети пусть и неосознанно, но берут ментал под свой контроль и перестают разбрасываться энергией при малейшем перепаде настроения, тогда родители или другие старшие родичи снимают оградник.

– А чего ж вы испугались? – не понял я. Брат с сестрой переглянулись в немом диалоге, и Мара кивнула.

– Хорошо, я отвечу, – со вздохом проговорила девушка. – Оградники используют еще и как форму наказания. Артефакту же без разницы, какой поток развеивать, ментальный конструкт, созданный мною, или обычный выплеск Златы, понимаешь? Так что надеть на шею оградник, значит, отрезать носителя от ментала, лишит возможности создавать конструкты. А снять такой артефакт может только кто-то из совершеннолетних родичей... или сам носитель по достижении полного совершеннолетия.

– Ну, и кроме того, носить оградник в нашем возрасте просто... стыдно. Мы ж не дети уже, – буркнул Олег.

Дела-а...

История об оградниках навела меня на одну занимательную идею, возможность воплощения которой я тут же принялся проверять во всех доступных источниках. Артефакты... нет, меня не интересовала возможность создания какого-нибудь кольца всевластия, до такой дури я еще не докатился. Но... большую часть жизни я что-то делал своими руками. Будь то борщ или кованый светильник, проект дома или сруб заимки в тайге. Мне нравится видеть результат своего труда, воплощенный в реальности. Такая вот форма самолюбования, да... и ничего не могу с собой поделаться. Собственно, в здешнем естествознании, несмотря на мой интерес к этому странному то ли ремеслу, то ли искусству, то ли науке, меня разочаровывает один из основных постулатов, можно сказать, краеугольный камень нынешней теории естествознания, который гласит, что ментальные манипуляции не способны создать материю, но могут на нее воздействовать. Иными словами, каким бы ни был могущественным «философ», ему ни за что не сотворить своей волей даже песчинку. Иллюзию – пожалуйста. Самую точнейшую, вплоть до осязания и обоняния, но вот создать настоящую песчинку не выйдет, хоть как извернись.

Это было... не обидно, нет, но разочаровывающе. И вдруг такой подарок от разговорившихся Олега и Мары. Хотя сам ведь видел, как работала Ружана Немировна с лунной нитью, мог бы и дотумкать, что это по сути и есть всего лишь один из способов создания артефактов. Хочу! Хочу научиться...

Эта идея так меня захватила, что следующую пару недель я буквально разрывался между выискиванием и чтением соответствующей литературы в своем зеркаме и исполнением назначенного нам с Олегом и Марой задания-наказания. Не могу сказать, что сразу все понял в «распотрошенных» учебниках, оказавшихся удивительно скучными на эту тему, все же я не гений, да и времени на артефакторику, ввиду назначенного нам наказания, оставалось совсем немного. Но к моменту отъезда Бийских я все же успел ознакомиться с основами, и этого было достаточно, чтобы понять, что делать артефакты самому мне светит еще нескоро. Впрочем, я не унывал, рассчитывая плотнее заняться этой темой в свободное время.

А с заданием-наказанием мы все-таки справились, буквально накануне отъезда младших поколений Бийских. Ну... почти справились. Дед Богдан с супругой быстро и легко спустили на землю наше самомнение, взвившееся выше крыши, когда задача, как мы решили, была успешно выполнена. Нет, в самом деле, мы искренне считали, что здесь есть чем гордиться, ведь мы создали не один, а целых два действенных щита. А если учесть «помощь» постоянно крутившейся

рядом с нами Златы... ну чем не подвиг?!

Вариант, предложенный Олегом, был путем чистого прямого противодействия. И именно ледяной щит нам удалось создать первым, благо связать выставленный на максимум конструкт охлаждения с конструктом отсечения температурных колебаний, в просторечии именуемым «прихваткой», можно без всяких проблем. Обычная бытовая связка, к которой мы присобачили еще один конструкт, позволяющий играть с размерами щита. Одна проблема, больше пары ударов огненных когтей эта штука не выдерживает... и парит, как банная каменка.

А вот Мара после недолгих раздумий, не пожелав отставать от брата, предложила сконструировать щит на основе все того же огня, как альтернативу. То есть конструктивно оба щита были сходны, только в огненный, вместо охлаждающей части, мы встроили разогревающий конструкт. Результат получился как бы не более впечатляющим, чем первый. Если выставленный ледяной щит выглядел, как ледяное облако, прикрывающее пользователя этакой вогнутой линзой, то его огненная версия заставляла дрожать воздух от жара, а в непосредственной близости от внутренней, обращенной к пользователю стороны щита, постоянно вспыхивали искры и язычки пламени от сгорающей пыли. И то и другое было красиво и... опасно.

К тому моменту, когда мы решили продемонстрировать свои успехи старшим Бийским, песчаный берег озера, где проводились испытания нашего изобретения, оказался сплошь усеян быстро тающими росчерками изморози и полосами спекшегося песка, следами от применения ледяной и огненной защиты. Ну не могли же мы представить не оттестированный результат?

Демонстрация удалась. Выставленные на максимум, щиты не позволяли даже подойти достаточно близко, чтобы нанести удар «когтями», а при уплотнении охлаждающего и огненного конструктов они вполне удачно гасили атаки нашей первой выдумки. Но если ледяной щит действовал недолго и жестко, словно пытаясь оттолкнуть испытателей друг от друга, при соприкосновении с «когтями», то огненный щит был более мягким, он словно вбирал в себя пламя атаки, размывая его в своем объеме и заставляя еще ярче вспыхивать пламя на «линзе».

Дед Богдан с теткой Ружаной посмотрели на наше представление, добродушно покивали, после чего старик, привычно закусив ус, попросил Мару и Олега атаковать его самого.

Брат с сестрой неуверенно переглянулись, но, пожав плечами, все же зажгли «когти» и двинулись к спокойно стоящему в пяти шагах от них деду Богдану. Шаг, другой... я ощутил, что старик вдруг создал странно знакомый конструкт и окутался почти невидимой дымкой. Интересно, что это за щит?

Удар, еще один, и Мара с Олегом непонимающе смотрят на свои руки. Когти погасли, будто их и не было, а дед Богдан так и стоит, окруженный все тем же странным щитом, кажется, не истощившимся ни на гран. И что это бы...

– «Прихватка»?! – выпалил я, когда до меня наконец-то дошло, почему конструкт, построенный стариком, показался таким знакомым.

– Bravo. – Ружана Немировна демонстративно похлопала в ладоши. Мы с младшими Бийскими переглянулись и удрученно вздохнули. И зачем было столько накручивать, если для защиты от когтей достаточно было скрыть тело за одним-единственным бытовым конструктом, используемым домохозяйками, когда приходится иметь дело с горячей посудой?!

Это был жесткий урок. Но даже такое «приземление» не избавило меня от тяги к изучению «естествознания» и экспериментам с ним. Почему? Во-первых, потому, что одной неудачи недостаточно, чтобы остановить человека, идущего к цели, если эта неудача, конечно, не была фатальной и не отправила бедолагу на тот свет... впрочем, и это утверждение не абсолютно, как показывают события, происшедшие со мною два месяца назад. А во-вторых... это ж «магия»!!! Пусть в прошлой жизни я был довольно циничным человеком и давно перестал верить в чудо, но сейчас передо мной открылись такие возможности, о которых я не мечтал, даже будучи ребенком! И я буду последним идиотом, если их упущу.

Ну, а кроме того, это просто интересно. Все эти конструкты, потоки, манипуляции, артефакты опять же... единственное, о чем я немного сожалею, так это о том, что мне не дано, как многим здешним «философам», видеть конструкты. Впрочем, как говорит Ружана Немировна, «видящие» точно так же завидуют «чувствующим», то есть таким, как я, людям, ощущающим творящиеся вокруг них ментальные манипуляции. Не знаю, не знаю... может быть, она и права, а я пока просто не имею достаточного опыта, чтобы правильно оценивать преимущества и недостатки этих двух подходов.

Вечером, когда уже отгорел закат и улеглась суматоха в доме, связанная с отъездом Бийских, дед Богдан поманил меня во двор и попросил притащить ему три чурбака... кажется, в его понимании эти деревяшки – лучший испытательный стенд и тренировочный инвентарь. Когда же я выполнил его просьбу, старик благодарно кивнул и, прикусив ус, зажег на руке «когти». К моему удивлению, они совершенно не походили на то, что придумала наша компания. Нет, форма, может быть, и была такой же, но содержание... Я не чувствовал в этом воздействии никаких конструкторов, вообще. Точно так же, как в тех воздействиях, что дед Богдан с теткой Ружаной создавали, основываясь на своих школах. Только монолит воли и поток внимания, превращающийся в пять белоснежных, сияющих «серпов». Убедившись, что я внимательно наблюдаю за происходящим, дед Богдан легко коснулся когтями первого чурбака, и прикрывавший его огненный щит пошел волной и лопнул, а полено мгновенно осыпалось серебристым пеплом. Следующим стал ледяной щит. При соприкосновении с когтями он полыхнул снежным облачком и испарился. Хана второму чурбаку. А вот третий «прожил» несколько дольше. Бытовой конструкт-«прихватка» сумел противостоять воле старика чуть ли не три секунды, но, в конце концов, тоже не выдержал и исчез без следа. Дед Богдан погасил когти и, испытующе глянув на меня, молча ушел в дом. Очередной урок мне к размышлению.

На следующий день после отъезда младших Бийских я стоял перед раскрытыми воротами гаража на хозяйственном дворе хутора и... и изумлялся. Прежде мне не доводилось заглядывать в это каменное здание, вросшее в землю чуть ли не по самые окна, маленькие, мутные и узкие. И я предположить не мог, сколько железного хлама хранят владельцы в этом приземистом строении. Чего здесь только не было. Остов какого-то ржавого трактора соседствовал с огромным четырехдверным кабриолетом, сверкающим полировкой черно-белого корпуса и сияющим хромом молдингов, окантовкой фар и многочисленных финтифлюшек. Тут же притулился и уже знакомый мне по поездке в Ведерников юрт пикап. А дальше, в глубине обширного помещения виднелись завалы какого-то хлама. Он был везде, на полках, на верстаках, громоздился кучами на полу и прятался в пыльных ящиках.

Пока я обозревал эту картину, дед Богдан скрылся за ржавым монстром, и по гаражу почти тут же прокатился какой-то грохот, следом раздался сдавленный мат старика, и я поспешил ему на выручку, но почти тут же остановился. Кажется, он управился и без моей помощи. Дед Богдан вышел из-за остова трактора и бросил на верстак пыльный чехол.

– Иди сюда, Ерофей, – кивнул он мне. Заинтригованный происходящим, я тут же оказался рядом со стариком и удивленно охнул.

– Хех. – Заметив мою реакцию, дед Богдан усмехнулся и, привычным жестом расправив усы, подтолкнул меня в плечо. – Я тут подумал, что выписывать кругая по окрестностям на автобусе, каждый день добираясь до гимназии, тебе будет не с руки. Долго и муторно, а вы, молодежь, вечно куда-то торопитесь. Ну и вспомнил об этом малыше. Он, конечно, не новый, на нем еще Бран колесил, но машинка надежная и ухоженная. В общем, пользуйся, Ероха.

Передо мной оказался самый странный транспорт, какой я когда-либо видел. Если к здешним летающим автомобилям я уже как-то попривык, и даже одноместные «табуретки», отдаленно похожие на мотороллеры из моей прошлой жизни, не вызывали большого удивления, то этот агрегат, кажется, решил перевернуть все мои представления о здешнем мотостроении.

Я обошел летающий мотоцикл по кругу и невольно цокнул языком. Это не транспортное средство, а полет мысли сумасшедшего гения, крыша которого основательно поехала на теме дизайна шестидесятых, точно говорю. Но полюбоваться есть чем. Миниатюрная двухместная машинка с «бульдозерными» рычагами, вынесенными на манер мотоциклетного руля, две массивные горизонтальные штанги подпирают черно-белый корпус, плавные обводы которого подчеркиваются хромированными молдингами. В белоснежные, изящно очерченные боковины передней его части врезаны шесть патрубков, хромированными змеями скользнувшие под широкие подножки, по три с каждого бока. А спереди машина похожа на диковинного циклопа, единственный глаз-фара которого сияет хромом и стеклом поверх оскала огромного, вытянутого по вертикали воздухозаборника весьма затейливой формы. Седло водителя, расположенное за слегка изогнутым наплывом корпуса, довольно низкое, но обеспечивает удобную прямую посадку, а над хвостовой, плавно закругленной частью этого летающего «нечта» чуть возвышается место для пассажира. Красивая машинка. Странная, но, безусловно, красивая.

Одно «но». Меня начинает несколько напрягать такая щедрость. Ведь кто я для Бийских? Да практически никто. Чужой человек, беспамятный подкидыш... тем не менее тетка Ружана и дед Богдан взяли меня под опеку, учат, кормят, одевают... теперь вот еще и транспортом снабдили, чтоб не тратил время на поездки в автобусе, крутящем такие зигзаги по округе, что на дорогу от хутора до Ведерникова юрта приходится тратить не меньше полутора часов. А я пока

понятия не имею, как расплатиться за их доброту. Это... неудобно и неприятно.

Я уж хотел было отказаться от предложения деда Богдана, но глянул на машину, потом на радостно улыбающегося, довольного своим сюрпризом старика и... может быть, я слаб, может быть, пользоваться добротой этих людей неправильно, тем не менее я так и не нашел в себе сил, чтобы отказаться от этого предложения. Но слово даю, я с лихвой отплачу Бийским за все добро, что они для меня делают!

- Спасибо, дед Богдан. - Я пожал руку старику.

- Брана благодари. Это он разрешил тебе пользоваться его игрушкой. - Отмахнулся дед Богдан и подмигнул. - Ну что, хочешь прокатиться?

- Еще бы! - воскликнул я.

- Тогда выкатывай его на улицу, - усмехнулся старик, бросая мне брелок с одиноким ключом.

Завести этот летающий мотоцикл оказалось не сложнее, чем обычный. Поворот ключа в замке, и гараж наполнился тихим гулом. Машина медленно приподнялась над полом, взвихрив пыль, и, словно воздушный шарик на веревочке, послушно поплыла вперед, стоило ее чуть-чуть подтолкнуть. Оказавшись на улице, я, по указанию деда Богдана, притормозил обладающий немалой инерцией агрегат и приготовился слушать.

- Управлять летягой достаточно просто, - заговорил старик. - Смотри. Справа над подножкой находится педаль хода. Слева - тормоз. Одновременно не нажимать, если не хочешь устроить аварию с гарантированным смертельным исходом. Закрутит и вынесет к чертям. Далее, рычаги управления. Правый на себя, летяга поворачивает вправо, левый на себя...

- ...машина поворачивает влево, - закончил я.

- Ты смотри, какой догадливый! - фыркнул дед Богдан, но тут же посерьезнел. - Радиус поворота можно уменьшить, подав противоположный рычаг чуть вперед. Если потянуть оба рычага на себя, машина резко затормозит... очень резко, так

что лучше не рискуй. Далее, переключатель заднего хода, указатель скорости, а это указатель температуры рабочего объема. Следи, чтоб он не уходил в красную зону, если не хочешь остаться посреди дороги с отказавшей ходовой. Колес у летяги нет, а весит она под триста килограммов, замаешься толкать... и за сбитый хром на подножках Бран не похвалит. Да, бака питания хватает на шестьсот верст, скорость заправки – четверть часа.

– Э-э? – не понял я.

– Хм, все время забываю, что у тебя с памятью нелады. – Хлопнул себя по лбу старик и указал на кожух летяги, под которым, как я предполагал, находится моторный отсек. – Вот этот бак. Заряжается простым ментальным воздействием. Помнишь, как выглядит блок подпитки сложных конструкторов?

– Да, – несколько заторможенно кивнул я в ответ. Сказанное стариком выбило меня из колеи. Это как так?! Никаких заправок, никакого бензина или газа? Никаких выхлопов и смога? Это ж какая-то мечта «зеленых» получается, а не машина. Охренеть, не встать.

– Ерофей, ты меня слушаешь? – окликнул меня дед Богдан, и я тут же закивал. – Замечательно. И чего тогда стоишь на месте? Забирайся в седло и вперед. Ограничение по скорости я выставил, посмотрим, как ты справишься с машиной.

– Хм... а меня в Ведерниковом не оштрафуют за езду без прав? – тихо протянул я.

– А ты не попадайся. – Хохотнул старик и пояснил: – Движение в городе небольшое, да и гимназия находится на окраине, туда и не заезжая в центр попасть можно. Если лихачить не будешь, никто тебя не остановит... но вообще, молодец, что задумался о лицензии. Осваивай летягу, учи правила, глядишь, к Рождеству и документы себе справишь.

Так в моем расписании занятий появился еще один пункт. А ведь до начала учебы в гимназии осталось всего две недели!

И они пролетели, как один день. Тренировки, помощь по хозяйству, занятия с дедом Богданом и теткой Ружаной, зубрежка школьных предметов и учебные покатушки на летяге шли сплошной чередой. Но к первому сентября я был

абсолютно уверен, что, добираясь до гимназии, не навернусь с машины, а на уроках не буду высмеян, как неуч. Да и вне класса, если что, не опозорюсь. В общем, пионер, да и только, тот самый, что «всегда готов»... Эх, только красного галстука не хватает.

Дорога до гимназии прошла легко и незаметно. Ограничитель скорости летяги дед Богдан торжественно снял еще два дня назад, когда посчитал, что я достаточно ловко обращаюсь с тяжелой машиной и не путаю знак одностороннего движения со знаком, запрещающим проезд, поэтому сегодня летяга с гулом неслась над грунтовкой, выжимая добрую сотню верст в час. Можно, конечно, еще прибавить ходу, благо машина это позволяет... но зачем? Расстояние от хутора до гимназии всего двенадцать километров, так какой смысл рисковать из-за пары выигранных минут, я же не на гоночном треке, в конце концов.

Место для парковки у гимназии я не нашел, а потому летягу пришлось оставить на небольшой стоянке, расположенной в квартале от гимназии. Зато здесь машина Брана будет под присмотром, что немаловажно, учитывая обрывки памяти моего «предшественника», довольно красочно демонстрирующие, какие именно детали можно быстро и без помех скрутить с подобных аппаратов и сколько денег они могут принести ушлому воришке. Уж не знаю, насколько такая «охота» распространена здесь, в Ведерниковом юрте, но думаю мне, что лучше не рисковать, оставляя летягу без присмотра... во избежание, так сказать.

Упрятав шлем в кофр под пассажирским сиденьем, я нахлобучил на голову синюю фуражку с красным околышем и, поправив воротник-стойку гимназического кителя, бросил взгляд на отражение в довольно большом зеркале летяги. Вроде бы порядок. Ну вот, гимназист готов к учебе. Хотя-а... хлопнув себя ладонью по лбу, отчего фуражка чуть не улетела в дорожную пыль, я вновь открыл кофр и, вытащив из него ранец, довольно кивнул. Вот теперь точно готов. Эх, хорошо еще, что без гладиолусов обошлось. Зерком тихонько пискнул, подтверждая получение парковочного талона, и я, кивком поблагодарив охранника, засевшего в «стакане» у въезда на стоянку, потопал к гимназии.

В классе, куда меня определила администрация, было шумно. Народ галдел, обмениваясь впечатлениями о лете, а я... ох, как-то мне стало не по себе. Глядя

на забившую помещение детвору, хотелось развернуться и, мелко перекрестившись, слинять куда подальше. Жаль, не получится. Спасительный выход перекрыла фигура куратора, ведущего второй поток пятого цикла, с которым мне предстоит провести еще три года... Мама, роди меня обратно!

– Пять-два, тишина! – Голос куратора с легкостью прорезал гул голосов гимназистов, и в классе воцарилась почти гробовая тишина. Только что-то невнятно пищит чей-то зеркалом. Стоян Ратьшич, как он представился при знакомстве в кабинете директора гимназии, невысокий, средних лет, крепыш в черном официальном мундире преподавателя, довольно кивнул и, шагнув к экрану, окинул замерших учеников долгим взглядом. – Добрый день, класс.

Загрохотали парты и стулья, разгорелась и тут же стихла возня разбегающихся по местам учеников, и уже через несколько секунд все гимназисты стоя приветствовали учителя.

– Здравствуйте, Стоян Ратьшич, – явно привычным хором отозвались гимназисты.

– Хех, паиньки какие, – усмехнулся тот. – Ну что, поздравляю, оглоеды и вертихвостки, вашего полку прибыло. Принимайте пополнение.

Куратор кивнул в мою сторону, и под взглядами двух десятков учеников, так и фونهاющих любопытством, я сделал шаг вперед. Как там дед Богдан говорил?

– Хабаров, Ерофей Павлович. – Еще один шаг вперед, щелчок каблуками, короткий наклон головы. Вроде бы так?

Должно быть, я сделал все правильно, поскольку никакого негатива со стороны тихо загудевших гимназистов не последовало.

– Садись на свободное место, Ерофей Павлович, – пророкотал куратор. – С одноклассниками познакомишься на перемене, а сейчас, пожалуй, приступим к первому уроку в этом году.

По классу прокатился короткий недовольный бубнеж, но стоило прозвенеть звонку, как весь шум тут же стих, и ученики, открыв пустые тетради, уставились на куратора. Однако дисциплинка здесь что надо...

Первой перемены, ощущая на себе взгляды одноклассников, я ждал с некоторым напряжением, и был даже рад, когда куратор не соизволил сделать перерыв меж двумя частями сдвоенного урока алгебры. Это дало мне дополнительные сорок пять минут на моральную подготовку к более тесному знакомству с классом. А вот мои однокашники явно были недовольны таким «попранием святой перемены», но особо не шумели. Куратору достаточно было заявить, что особо «уставших» ждет персональное задание на дом, и буча утихла, так и не начавшись.

Зато после завершения второй части урока одноклассники насели на меня капитально. Они даже дверь в кабинет заперли, чтоб никто не помешал допросу. И посыпались извечные «кто», «откуда», «как» и тому подобное. Впрочем, все оказалось не так страшно, как мне думалось. В душу никто особо не лез, прошлым интересовались лишь в варианте «откуда приехал в округ», и не более. А к началу следующего урока от меня и вовсе отстали, так что я наконец-то смог вздохнуть свободнее... пока не выяснил, что предстоящее занятие будет посвящено местной политической географии.

* * *

– Занятный персонаж. Очень занятный, – задумчиво проговорил мужчина, щелчком пальца закрывая файл досье, высвеченный на матово-белом стекле большого экрана в лаконичной медной рамке. Седина в волосах и глубокие морщины, избороздившие лоб говорящего, выдавали в нем немало пожившего на белом свете человека, но... это впечатление тут же исчезало, стоило взглянуть на него повнимательнее. Да, волосы его седые, но густые, а широкие плечи пусть и немного ссутулены, но не немощны. Руки, хоть и отмечены кое-где редкими пигментными пятнами, по-прежнему сильны и тверды, но самое главное, глаза, в которых нет и следа старческой водянистой усталости. Серые, живые, взирающие на мир с неизбывным интересом. А сейчас в них просто-таки сияло нескрываемое, почти детское любопытство. И сидящий в кресле напротив гость, заметив это, беззвучно застонал. Что ж, у него есть для такой реакции весомый повод. Все, кто был хорошо знаком с этим стариком, знали этот взгляд, как неотвратимое предзнаменование очередной встряски, до которых его обладатель был большим охотником.

– А может, не надо? – тихо и почти обреченно проговорил гость. Его собеседник вскинул голову, смерив визитера взглядом, и усмехнулся.

– Ты о чем, друг мой? – глубоким, без малейшего намека на старческое дребезжание голосом поинтересовался хозяин кабинета.

– Я... я имею в виду, может, пока оставим его там, где он есть? Подождем? – со вздохом спросил гость... просто, чтоб хоть что-то сказать.

– А я и не намеревался с ним ничего делать. Пока, – с насмешкой отозвался странный старик, но в следующих его словах лязгнула сталь. – Следить, не мешать, о любых происшествиях докладывать мне лично.

– Будет исполнено, ваше... – подскочив от такой резкой смены тона, протараторил его гость, но был тут же остановлен одним-единственным жестом.

– Вот только рискни, – чуть ли не прошипел хозяин кабинета.

– Прошу прощения, привычка. – Визитер покаянно склонил голову.

– То-то же. – Его собеседник на миг замер, глядя куда-то вдаль, сквозь человека, вытянувшегося перед ним во фронт, и, покачав головой, договорил: – Не маячьте там. Чужой интерес нам ни к чему, ясно?

– Так точно, – кивнул гость.

– Вот и ладно. Можешь идти. – Хозяин кабинета откинулся на спинку кресла, а когда за гостем уже закрывалась высокая дверь, негромко бросил ему вслед: – Отцу привет передать не забудь.

– Обязательно, ва... Всего хорошего, – кивнул тот и щелкнул замком. А хозяин кабинета вновь открыл досье и, пробежав взглядом несколько абзацев, вздохнул.

– Да, мне бы такой талант, я бы... ух! – Он совсем несолидно хихикнул и заключил: – Впрочем, как показала история, я и без него не ох... как тот мед.

– Себя не похвалишь, никто не похвалит, да? – В комнату, отворив скрытую за дубовой панелью дверь, вплыла, иначе не скажешь, хрупкая женщина в чуть старомодном закрытом платье, уже давно седая, но все еще способная с

легкостью покорить любого мужчину своей зрелой красотой, статью и нежной улыбкой. Впрочем, «любые мужчины» ей были не нужны. Привычно поцеловав сидящего за столом мужа в щеку, она ласково взъерошила его волосы. – Идем, потрясатель вселенной, стол накрыт, правнуки уже салфетки жуют.

– А праправнуки в голос орут. – Хмыкнув ей в тон, он неожиданно легко взмыл над креслом и подхватил женщину на руки. – Идем, ладушка моя. Посмотрим на нашу молодежь, полюбуемся.

– Ты сегодня решил удариться в поэзию? – промурлыкала та, обжигая ухо мужа горячим дыханием и, закинув руки ему на плечи, величественно, насколько это позволяло ее положение, кивнула, блеснув смешинками в глазах. – Поехали, мой трубадур.

– Надеюсь, дети не будут уж слишком шокированы нашим выходом, – фыркнул тот.

– Они уже давно привыкли к твоим выходкам, милый, – улыбнулась женщина.

– Это им только кажется.

Глава 6

Взрослые устают на работе? Как бы не так! Вот семь уроков для еще не избавившегося от гиперактивности растущего организма это да... это усталость. Правда, и проходит она очень быстро, так что уже через час о школьных нагрузках даже не вспоминаешь, но весь этот час я чувствовал себя натуральной медузой, расплывшейся такой, безвольной морской тварью, вынесенной волной на обжигающе горячий песчаный пляж. Умереть, не встать!

Проглотив остатки мороженого из третьей по счету креманки, я, наконец, почувствовал себя живым и, с облегченным вздохом откинувшись на спинку легкого скрипучего креслица, окинул взглядом веранду небольшого летнего кафе и сонную улицу за ним.

Цветастый навес этого заведения попался мне на глаза, когда я прогуливался по улицам Ведерникова юрта, пытаюсь прийти в себя и вытряхнуть из гудящей головы все, что умудрились в нее напихать учителя в первый учебный день. В кармане у меня позвякивало десять монет по двадцать копеек, четыре из которых я должен был отдать за парковку летяги, а остальные... Собственно, деньгами меня снабдила тетка Ружана перед отъездом в город, с тем, чтобы я мог перекусить в гимназической столовой, но заглянув туда, я понял, что есть в таком бедламе просто не смогу, и слинял, пока головная боль, нараставшая с каждым часом, проведенным в гимназии, не взорвала мне голову.

Кстати о деньгах... Я включил зеркало и, открыв записную книжку, застучал по виртуальным клавишам, вводя очередную строку. Два рубля – небольшие деньги, но учет прежде всего. Свои долги я предпочитаю помнить и отдавать во что бы то ни стало. А по отношению к Бийским у меня столько долгов образовалось, что даже записывая их в зеркало, я рискую что-то упустить. Ну, пусть своей помощью по хозяйству я худо-бедно, но могу оправдать затраты на мое проживание в их доме. Пусть подержанные вещи с плеча Брана, из которых тот вырос добрых двадцать лет назад, можно скинуть со счетов, хотя это далеко не обноски, но вот карманные деньги, которые тетка Ружана заставила меня принять, и отданная в мое распоряжение летяга, это уже совсем другое дело. А ведь есть еще и то, что никакими валютами не измерить: опека и забота. Бийские сделали мое вращение в здешнюю жизнь простым и уверенным. Учеба, документы... да даже просто крыша над головой для бездомного «попаданца», ни черта не соображающего в здешней жизни, это очень и очень много. А дед Богдан с теткой Ружаной делают для меня намного больше. Нет, я понимаю, что с их точки зрения все выглядит совсем иначе, и Бийские просто помогают попавшему в передрыгу мальчишке, не ожидая какой-то оплаты за свою заботу. Более того, уверен, заикнись я им о «долгах», меня пошлют лесом, полем и далее со всеми остановками в самых темных местах, да еще и лекцию прочитают о том, что удел детей – учеба и шалости, а не вкалывание на пользу благодетелям. «Родительская» позиция, она такая, да. Но то дети, а я не ребенок.

Захлопнув зеркало, я нахмурился и, махнув рукой официантке, тут же принесшей еще одну креманку с невообразимо вкусным пломбиром, задумчиво уставился в пустоту. Положим, возможностей, чтобы вернуть долги сторицей, у меня сейчас немного. Но! Руки есть, голова на месте, и даже какие-никакие знания имеются, а значит... побарахатаемся.

Итак, первое, что приходит в голову, это подработка. Правда, тут имеется пара нюансов. Первый: учеба в гимназии оставляет свободной лишь вторую половину дня. Второй: это свободное время тоже... не свободно, поскольку от помощи по хозяйству на хуторе меня никто не освобождал. Плюс тренировки и занятия с Бийскими по принципам старых школ, от которых я сам не могу и не хочу отказываться, уж очень это интересно... и перспективно. Казалось бы, пат? Думаем.

Для начала попробую прикинуть, сколько времени в нынешней ситуации я вообще могу выжать из своего графика. От работы и учебы я отказаться не могу, так? Так. Но кто говорит, что нельзя оптимизировать время, выделяемое на них? Допустим, с гимназией ничего не поделать, если не прогуливать, конечно, зато можно поиграть с остальным расписанием. Скажем, перенести выполнение части домашних заданий и занятия с Ружаной Немировной на выходные, а помощь деду Богдану на вечер. Тренировки ужать до утреннего занятия перед поездкой в гимназию, останется около пяти часов на подработку. Маловато. Но либо так, либо никак. «Откусывать» большее количество времени от работ по хозяйству я не могу... разве что перекинуть часть из них на те же выходные. М-да, чую, это будут долгие три года...

– Вон он! – Смутно знакомый голос, раздавшийся от входа на веранду, заставил меня вынырнуть из мыслей. Лениво повернув голову в сторону шумной компании в гимназической форме, ввалившейся в кафе, я вздохнул. А так хотелось надеяться, что все расспросы одноклассников остались позади... Впрочем, кажется, я ошибся. Эти четверо не из нашего класса. Тогда как я мог узнать голос? А! Девчонка! Вспомнил.

– Здравствуй, Ерофей. – Во взгляде знакомый холод, губы поджаты... ни дать ни взять, строгая мамочка. Того и гляди отчитает за порванные штаны и ссадину на коленке. Ух, страшно-то как!

– И вам доброго дня, уважаемая Мирослава, – кивнул я. – Представьте мне своих спутников?

– Мог бы и встать, – фыркнула подруга Мары, начисто проигнорировав мое замечание, а у меня в голове в унисон пронеслось: «Встать, когда с вами говорит подпор-руч-чик!» – Впрочем, чего еще ждать от бродяжки-батрака?

– Увы, отяжелел в гузне от здешнего пломбира. Сил нет. – Вздохнул я в ответ под удивленными взглядами одноклассников Миры. – Уж простите невежу, блистательная госпожа.

– Издеваешь-шс-сья?! – сверкнув глазами, прошипела Мира, усаживаясь в кресло напротив. Ну, чисто змея, ей-ей!

– И не думал даже, – пожал я плечами. – Мороженку будешь?

Все. Сейчас взорвется... или нет? Взорвется-не взорвется...

– Фисташковое, с ореховой крошкой, – резко сменив колер с алого на алебастрово-белый, сквозь зубы произнесла Мира.

Не взорвалась. Жаль. Я перевел взгляд на ее спутников, осторожно устраивающихся рядом со своей предводительницей, и, печально покачав головой, в очередной раз позвал официантку. Хорошо, что из трех ее сопровождающих лишь одна девчонка. У меня на всю ораву денег не хватит.

– Два фисташковых и один пломбир, – попросил я официантку. Та хмыкнула и исчезла.

– Мне хватит и одного, – заметила Мира.

– Так это не тебе, а твоей красавице-компаньонке. Думаю, не ошибусь, если скажу, что ей такое мороженое тоже по вкусу, – усмехнулся я. – А свой гарем корми сама.

Девчонка взвилась, следом за ней заворчала и группа поддержки, опалая меня о-очень злыми взглядами. А вот «компаньонка» Миры и бровью не повела.

– Благодарю, Ерофей, – дождавшись, когда официантка поставит перед ней креманку с мороженым, «пропела» девочка, чем-то неуловимо похожая на Злату. Может быть, цветом волос, а может быть, незамутненной и искренней радостью в глазах.

– Угощайтесь...

- Светлана, - совершенно верно оценив паузу, кивнула она.

- Приятного аппетита, Света, - улыбнулся я в ответ и, глянув на закипающую Миру и ее приятелей, вздохнул. - Итак, чем обязан нашей встрече, уважаемые?

- Иллюзия, - коротко бросила Мира, справившись с собой и придержав за руку отчего-то взбеленившегося паренька, сидящего рядом. Впрочем, заметив, какие взгляды он бросает на Светлану, понять причины неадекватности было просто как дважды два. Да, детская ревность это страшно...

- Какая иллюзия? - сделав вид, что не заметил поведения «отелло», спросил я.

- Та, которую ты с Олегом подарил нам на берегу озера, - процедила Мирослава. - Расскажи, как вы ее сделали.

- Хм, помнится, Мара говорила, что ваша подруга... Заряна, кажется, прекрасно разобралась в этом конструкте, почему бы не поинтересоваться у нее? - удивился я.

- Она уехала домой и не появится здесь до следующего лета, - неожиданно ответила Светлана, казалось бы, полностью погруженная в дегустацию мороженого и не обращающая ни малейшего внимания на происходящее вокруг.

- Ясно. А позвонить на зеркалом никак?

- Ментальные манипуляции проще показать, чем объяснить их построение на словах, - буркнул один из мальчишек, и я вынужден был с ним согласиться. Кажется, здесь еще никому не удалось зафиксировать конструкты с помощью технических средств, а это, действительно, усложняет процесс передачи информации о них.

- Интересно. И теперь вы явились ко мне и требуете, чтобы я сдал свою наработку. Весело. - Я побарабанил пальцами по столешнице. - Мило. Очень мило.

- Ерофей, что ты хочешь услышать? - Вздохнула Мира со вселенской усталостью в голосе. Вот только от самой девчонки так и веяло недовольством.

– Хотя бы вежливое обращение без заскоков в стиле: я в белом, вы в дерьме, – предложил я.

– Хорошо... Ерофей, ты не мог бы научить меня ментальной манипуляции с иллюзией цветка? Пожалуйста, – последнее слово Мирослава разве что не отчеканила.

– Видишь, это же было несложно, правда? – улыбнулся я, но тут же стер ухмылку с лица. – Мог бы, но не стану.

– С-сволочь. – Вновь изобразила змеюку Мира. Ну, не дура?

– Вيني в этом только себя, девочка. – Развел я руками. – Меньше спеси, больше дружелюбия, и я ручаюсь, все твои проблемы в общении как рукой снимет. Правда, уже не в моем случае.

– Почему? – В голосе Светланы не было и намека на издевку. Судя по всему, ей и в самом деле были просто интересны причины моего отказа. Эдакое отстраненное любопытство, хм...

– Потому что первое впечатление можно произвести только один раз, – ответил я. – И Мира его использовала.

– А если попрошу я? – И опять лишь интерес исследователя в эмоциях. Какая забавная девчушка, а?

– Мы, к сожалению, пока не настолько хорошо знакомы, – протянул я в ответ. – Но есть вариант...

Светлана чуть склонила голову к плечу и выжидающе уставилась на меня, напрочь игнорируя своих спутников. И сейчас она не поддавалась на уловку. Все то же спокойствие, любопытство и... ожидание во взоре. Нет, положительно, эта барышня мне импонирует!

За время тренировок я изрядно наблатыкался с созданием «пылевой руки» и так называемым съемом матрицы движений с растений и живых существ. А Ружана Немировна достаточно серьезно сподвигла меня на работу по методам старых

школ, заставляя превращать обычные, высчитанные конструкты в смысловые манипуляции, пока, правда, это касалось лишь простейших техник. Но благодаря этим тренировкам у меня появилась пусть и маленькая, но постоянно растущая база матриц.

На создание конструкта, совмещенного со смысловой манипуляцией, у меня ушло меньше минуты. И плевать, что сидящая напротив компания просто-таки искупала меня в своих потоках внимания. Разобрать работу по методике старой школы на составляющие задача не для дилетантов-первогодков, только приступивших к изучению естествознания, а потому я совершенно не опасался, что Мира или ее приятели смогут понять, что и как я делаю.

– Позволишь? – Я протянул руку Светлане. Девушка смерила меня долгим испытующим взглядом и, кивнув, с абсолютным спокойствием приняла конструкт-присоску.

Миг, и на ладони у Светы возник миниатюрный белоснежный кот. В прямом смысле белоснежный. Искрящаяся на солнечном свете шерстка, темно-синие льдинки глаз и коготков... эта матрица, снятая под руководством тетки Ружаны с домашнего лентя Бийских, вечно ошивающегося на летней кухне, получалась у меня лучше всего.

Под общий вздох присутствующих кот потянулся, абсолютно безболезненно «покогтил» ладошку изумленно взирающей на него новой хозяйки, забрался ей на предплечье и, обхватив его всеми четырьмя лапами, тихо затарахтел. Звук был самой сложной частью этой иллюзии и, скажу не тая, если бы не дед Богдан, я бы еще месяца три мучился с ее созданием.

– Считай это подарком. Свернуть иллюзию и снова ее развернуть можно одним желанием. Надоест, просто сорвешь присоску... или передашь кому-нибудь, – произнес я, оправившись от накатившей головной боли. Все же такие эксперименты со смыслами пока еще тяжеловаты для моего разума.

– А мне? – тихо произнесла Мира... ну, чисто обиженный ребенок. Впрочем, а кто она есть-то?

– И ты от меня отвяжешься, – предложил я. Та чуть подумала, бросила взгляд на жмурящегося кота, щекочущего хвостом ладонь подруги, и... согласилась. Через

минуту у нее на ладони сидел такой же кот, только угольно-черного цвета. Мира полюбовалась на игрушку и, на диво вежливо поблагодарив меня за подарок, утянула свою компанию прочь. Всю, кроме Светланы.

Девушка ела мороженое, время от времени поглаживая устроившегося у нее на плече кота, и не обращала никакого внимания на окружающую обстановку. Ну не было ей никакого дела ни до заинтересованных взглядов немногочисленных посетителей кафе, ни до сидящего напротив нее молодого русоволосого человека с прической а-ля взрыв на макаронной фабрике, с лентой поглядывающего по сторонам, но не выпускающего девушку из поля своего зрения.

– Зачем тебе нужен был этот спектакль? – спросил я Светлану.

– Спектакль? – В интонациях девушки промелькнули нотки удивления, а вот взгляд так и остался отрешенным.

– Ну, ты же не хочешь сказать, что Мира настолько глупа, чтобы фырчать на человека, к которому пришла с просьбой? – пожал я плечами.

– А при чем тут я?

– Света, чтобы понять, кто все это устроил, мне достаточно было засечь один-единственный вопросительный взгляд Мирославы, брошенный в твою сторону, – вздохнул я. – Итак?

– Ох, ладно. – Девочка печально заглянула в опустевшую креманку и, положив ненужную больше ложку на блюдце, уставилась куда-то в пустоту. – Ты прав, Ерофей. Я, действительно, попросила Миру устроить эту встречу.

– Ради иллюзии? – Хмыкнул я. – Тебе не кажется, что цель не стоит того, чтобы рисковать доверием подруги?

– Во-первых, Мирослава мне не подруга, – глядя мне прямо в глаза, произнесла Светлана. – Она была мне обязана, и я обменяла долг на знакомство с автором интересного конструкта.

– Я не единственный автор, – заметил я в ответ.

– О, и вот этого кота ты тоже создавал не один? – улыбнулась девушка.

– Уела. – Развел я руками. – А что во-вторых?

– Во-вторых... – Светлана замялась, и отрешенность ушла из ее глаз. На один короткий миг, но и этого было более чем достаточно. – Я не настолько продуманна, чтобы выстраивать подобные схемы. То есть я и подумать не могла, что встреча пройдет вот так.

– Ха, то есть получается, что, исполняя данное обещание, Мира постаралась сделать все, чтобы тебе не было от этого никакого прока, да? – уточнил я.

– Получается так, – вздохнула Света.

– А что мешало тебе просто найти меня и познакомиться самой, без участия нашего «закипающего чайника»? – осведомился я.

– Не знаю... – чуть растерянно ответила Светлана. – Просто утром я увидела у нее в руке тот цветок, мы разговорились, а там, слово за слово, и оно как-то так получилось... само.

– Ясно. – Я кивнул. Либо передо мной сидит гениальная актриса и талантливая интриганка, либо оба этих титула с успехом может принять Мирослава. – Полагаю, долг изрядно тяготил нашу общую знакомую?

– Не знаю... не думаю, – протянула Света и чуть нахмурилась. Искренне? Может быть, но ставить на эту искренность я бы сейчас не стал. Впрочем, какое мне дело до заморочек юных гимназисток?

– Ладно, давай перейдем к делу. – Я хлопнул ладонью по столешнице, привлекая внимание погружившейся в раздумья девушки. – Зачем тебе все это нужно, Света?

– Заработок, – с обезоруживающей честностью ответила она. – Подобные иллюзии можно продавать. Деньги, конечно, небольшие, но...

– О как! – В этот момент я посмотрел на девушку совсем иначе и... только сейчас отметил некоторые детали, прежде не бросавшиеся в глаза. Дешевая ткань гимназической формы, потертый ранец, полное отсутствие каких-либо украшений, даже самой простой бижутерии... Оценив увиденное, я кивнул. – Понимаю. А ты уверена, что такие поделки будут пользоваться спросом?

– Конечно. – Еле заметно улыбнулась Светлана, но тут же погрузилась. – Но я думала, что увидев исполнение манипуляции, смогу ее повторить, а тут...

– Неудачное стечение обстоятельств под названием «Мирослава» разбило твои ожидания, да? – подхватил я. Девушка только вздохнула.

– Извини, что отняла у тебя время, Ерофей, – скороговоркой произнесла она, поднимаясь с кресла. Э, нет! Так не пойдет!

– Подожди, Света. – Я успел перехватить ее руку, удерживая девчонку на месте. Кот, соскользнувший с ее плеча, тут же зашипел, глядя на мою ладонь. Еще чуть-чуть и кинется... Кажется, матрица получилась даже слишком хорошей. Впрочем, если подшаманить над ее воплощением, из этой иллюзии может выйти нечто очень интересное, и может быть, даже охранное... черт! Опять увлекся. – Подожди, давай поговорим.

– О чем? – спросила Светлана, осторожно вытягивая ладошку из моей руки. Белоснежный кот недоверчиво глянул в мою сторону и... вновь запрыгнул на плечо своей хозяйки.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ерофей Павлович Хабаров-Святитский (родился около 1603 года в городе Сольвычегодске Великоустюгского уезда. Умер около 1671 года в Братском или Усть-Кирегенском остроге) – русский землепроходец, осваивавший Приамурье.

2

ТМБР (сокр.) – тяжёлая миномётная бригада.

Купить: https://tellnovel.com/demchenko_anton/shag-pervyy-master-illyuziy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)